МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Историко-филологический факультет

Кафедра «История России, краеведение и методика преподавания истории»

Направление подготовки 44.03.01 Педагогическое образование

Профиль «История»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
на тему

«Роль удельных княжеств в формировании российской государственности во второй половине XV – XVI вв.»

Студент Ренскова Юлия Евгеньевна

Руководитель к.и.н., доцент Первушкин А.В.

Нормоконтролёр к.и.н., доцент Первушкин А.В.

Работа допущена к защите (протокол № 10 заседания кафедры от 30.05.16)

Заведующий кафедрой _____ д.и.н., профессор Кондрашин В.В.

Работа защищена с отметкой _____ (протокол заседания ГЭК от____ № __)

Секретарь ГЭК _____ к.и.н., доцент Кузьмина Т.Н.

Пенза, 2016

Содержание

Введение……...3

Глава 1. Уделы Московской Руси
в конце XIV – первой половине XV вв.: причины возникновения……...11
1.1. Появление уделов как традиция русского средневековья……..11
1.2. Уделы в Московской Руси XIV – первой половины XV вв. ……19
1.3. Кризис удельной системы в Московской Руси
во второй четверти XV в……...30

Глава 2. Политика московской великокняжеской и царской власти
по отношению к удельным княжествам в середине XV – XVI вв……39
2.1. Политика великих князей в отношении уделов
после феодальной войны……..39
2.3. Удельные княжества и политика укрепления государства
при Василии III……..49

Заключение…….68
Список использованных источников и литературы……...72

Методические материалы: урок на тему «Опричнина Ивана Грозного»…77

Введение

Актуальность темы. Тема представляет значительный интерес, поскольку она связана с важнейшим политическим процессом эпохи позднего русского средневековья. Сущность этого процесса состояла в переходе от Руси удельной к Русскому централизованному государству. И поскольку такой переход был связан с процессом постепенного изживания уделов, то без изучения конкретной истории уделов трудно понять характер и особенности объединения русских земель во второй половине XV – XVI вв.

Изучение поставленной проблемы имеет важное значение для понимания эволюции характера самих уделов в Московской Руси. Если первоначально они составляли ядро политической системы, то постепенно значение их падало. Они играли роль не столько в рамках политической системы страны и политических отношений, которые складывались между разными русскими землями-уделами, сколько во внутрисемейных отношениях внутри великокняжеской и царской семьи вплоть до постепенного, но последовательного превращения уделов в пережиток прошлого, а впоследствии и прекращения своего существования.

Главным содержанием политического процесса на Руси во второй половине XV – XVI вв. являлся процесс завершения становления государственности. Процесс этот не был единовременным. Он был растянут и сложен по своему характеру. Тема, таким образом, посвящена исследованию важного переходного периода в развитии политической истории страны эпохи позднего средневековья. Однако, процесс перестройки затрагивал не только политические, но и межличностные отношения. Таким образом, исследование поставленной проблемы дает возможность наглядно и конкретно проследить связь между политической историей позднесредневековой Руси с судьбами общественных и политических деятелей данной эпохи.

Объект исследования – уделы в Московской Руси второй половины XV – XVI вв. как историко-политическое явление.

Предмет исследования это процессы эволюции и угасания удельной системы в Московской Руси во второй половине XV – XVI вв., и воздействие удельно-вотчинной традиции на политическую систему единого Русского государства.

Хронологические рамки – Московская Русь второй половины XV – XVI вв. Нижней границей служит 1453 г., когда после гибели князя Дмитрия Юрьевича Шемяки на Руси завершилась феодальная война. Верхняя граница – 1591 г., когда с гибелью царевича Дмитрия Ивановича была ликвидирована удельная система.

Историография. Работы посвященные данной проблеме можно условно разделить на три этапа: дореволюционный, советский и российский. Первый этап определяется накоплением знаний о событиях истории поздних уделов великого княжества Московского. И, поскольку история поздних московских уделов связана была с судьбами людей, рассмотрение их носило в значительной мере эмоциональный характер.

Кроме того, история уделов Московской Руси разрабатывалась главным образом в рамках общих работ, посвященных в целом политическому состоянию страны в эпоху позднего средневековья. Характеристика политических отношений была тесно связана с уделами, их эволюцией и раздачей великими князьями уделов членам своей семьи.

Российские историки XVIII – начала XIX вв. давали высокую оценку объединению русских земель, считая, что тем самым были возрождены на Руси монархия и государство, пережившие кризис и распад в период раздробленности. Для них характерно освещение, прежде всего, внешнего хода событий. Симпатии В.Н. Татищева явно были на стороне великокняжеской власти[1]. Заметны также симпатии по отношению к Ивану III со стороны М.М. Щербатова. Историк отмечал, что в своей политике по

[1] Татищев В.Н. История Российская. В 3-х т. М., 2003.

отношению к удельным братьям великий князь московский стоял на консервативных позициях. Вину за обострение отношений он возлагал на братьев Ивана III. Он указывал, что в 1491 г. братья великого князя Андрей Васильевич и Борис Васильевич составили заговор против великого князя[1].

С позиций истории отношений между великими и удельными князьями излагал свою концепцию Н.М. Карамзин. Он писал, что Россия всегда спасалась «мудрым самодержавием». Но о расправах великих князей московских со своими удельными противниками историограф отзывался весьма резко. Отмечалось, что для Н.М. Карамзина Иван III был своего рода идеалом государя. Так, в описании конфликта Ивана III с братьями, он обвинял его братьев в том, что они, отошли от старшего брата и своего сюзерена. Не было однозначным и отношение Карамзина к гибели в 1569 г. князя Владимира Андреевича Старицкого от рук Ивана Грозного. С одной стороны, историограф указывал свое отношение его к этому царю как к тирану, с другой, Н.М. Карамзин резко негативно относился к поведению князя во время болезни царя в 1553 г., когда встал в связи с этим вопрос о престоле[2].

С.М. Соловьев по своему определил характер исторического процесса в Московской Руси. Сущностью его он считал, в тот период, борьбу прогрессивного государственного начала в жизни русского общества с отжившим свой век родовым началом. Эта борьба, по его мнению, завершилась в конце XV в. торжеством государственности. Выражением этого было уменьшение, а затем полное прекращение практики выделения уделов. С.М. Соловьев рассматривал историю России конца XV – XVI в. как время, когда имело место «переход родовых отношений между князьями в государственные». Носителями государственного начала были самодержцы, а родового – удельные князья. Борьба старого порядка с

[1] Щербатов М.М. Избранные труды. М, 2010.
[2] Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989.

новым, начавшаяся при Иване III, продолжалась при Василии III и завершилась при Иване Грозном, когда «удельный князь становится совершенно подданным великого князя, старшего брата, который носит уже титул царя»[1].

Резко критически оценивал политику Ивана III в отношении удельных князей Н.И. Костомаров, особо подчеркивал беспощадность великого князя в отношении брата Андрея, его сыновей, верейского князя Василия Михайловича. Он указывал на расправу Василия III с удельным князем Василием Ивановичем Шемячичем, а также Ивана Грозного с князем Владимиром Андреевичем. Такое отношение имело не только эмоциональную основу. Его историческая концепция заключалась в подавлении земско-федеративного начала единодержавием, которое историк оценивал негативно[2].

На взгляд В.О. Ключевского, удельный период был стадией развития страны. В удельно-вотчинной системе он видел начало, которое сказалось на московской великокняжеской власти, оборотной стороной которой, историк считал, несвободу населения[3].

В советской историографии, относящейся ко второму из выделенных этапов, ликвидация уделов в XV-XVI вв. рассматривалась как выражение исторической закономерности, связанной с процессом объединения русских земель вокруг Москвы. В полной мере это отразилось в монографии И.И. Смирнова, в которой борьба за власть удельных князей Юрия Дмитриевича и Владимира Андреевича оценивалось как проявление «феодальной реакции»[4]. Близка была точка зрения А.М. Сахарова. Им указывалось, что Ивану III приходилось вести борьбу с «мятежами»

[1] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. // Соловьев С.М. Сочинения в 18-ти кн. М., 1988. Кн.1. С.54; Кн. 2. С. 435; Кн. 3. С. 140 – 141.
[2] Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2010.
[3] Ключевский В.О. Курс русской истории. // Ключевский В.О. Сочинения в 9-ми т. М., 1987.
[4] Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30 - 50-х годов XVI века. М.; Л., 1958.

удельных братьев, которые были недовольны «своим устранением от государственных дел и сосредоточением в руках великого князя огромных владений»[1].

Определенную эволюцию претерпели взгляды на уделы А.А. Зимина. Так, в исследовании об опричнине Ивана Грозного он видел в Старицком уделе один из центров феодальной реакции[2]. Однако при рассмотрении феодальной войны при Василии Темном историк не видел какого-либо положительного содержания в московской объединительной политики. С его точки зрения, возможности для прогрессивного развития связаны были вовсе не с Москвой. Именно московская власть, а не уделы, послужила основой для развития в стране самодержавия, крепостничества и всеобщей несвободы[3].

Начиная с конца 80-х гг. XX в., мы выделили следующий, третий этап в развитии историографии проблемы. Проявлением его стали поиски адекватного понимания исторических предпосылок несвободы русского общества. В условиях, когда общество осознало потребность в нравственной оценке прошлого, В.Б. Кобрин подчеркивал, что «всякое привлечение в историю нравственных критериев пора считать научным»[4]. Подобные тенденции зарождались на почве традиционного для историографии признания процесса смены удельной системы самодержавным государством. Механизм такой смены Д.Н. Альшиц видел в опричнине, главный метод которой он связывал с кровавым террором. «Социальное происхождение самодержавия неразрывно связано с опричниной», в частности, через «уничтожение двоюродного брата царя Владимира Старицкого и его родичей»[5]. Опричный террор, в том числе

---

[1] Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV – XVII вв. М., 1969. С. 67.
[2] Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
[3] Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М., 1991.
[4] Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989.
[5] Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 128, 242.

против уделов, сыграл свою роль. «С помощью террора самодержавное государство привело к беспрекословному повиновению служилых людей всех категорий: дворянство, церковь, города, тяглое крестьянское население»[1]. Ликвидацию уделов он, таким образом, вписывал в контекст общей тенденции к формированию в стране самодержавия.

Уничтожение удельной системы современный историк А.Л. Янов вписывал в крайне неблагоприятный для страны процесс отказа от «европейского выбора». Такой выбор, по мнению исследователя, стал формироваться со времени княжения Ивана III. Альтернативу ему историк видел в установлении самодержавия со времени опричнины Ивана Грозного, когда имела место «самодержавная революция»[2], закреплявшая отношения патернализма и холопства, всеобщей несвободы. Об уничтожении уделов при Иване Грозном А.Л. Янов прямо не говорил, но рассматривал в контексте процессов, благодаря которым «начиналась самодержавная, имперская, крепостническая Россия»[3]. Уделы были, таким образом, частью системы доопричного времени, более благоприятного для страны, чем самодержавие Ивана Грозного.

Новые акценты в понимании процесса образования единого русского государства были поставлены В.Б. Кобриным и А.Л. Юргановым. Авторы противопоставили сюзеренитет-вассалитет государственному подданству как разные стадии развития общественных и государственных связей. В России целый ряд причин обусловил «победу отношений подданства в холопской форме над вассалитетом» и, в конечном счете, без «твердых юридических оснований прав и обязанностей личности, деспотизм надолго сковал русское общество»[4]. Рассуждая о причинах этого процесса, В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганов отмечали, что на Руси, ни города, ни феодалы «не

---

[1] Альшиц Д.Н. Шаги истории России из прошлого в будущее. СПб., 2007. С. 19.
[2] Янов А.Л. Россия: У истоков трагедии. 1462-1584. Заметки о природе русской государственности. М., 2001. С.187.
[3] Там же. С. 197.
[4] Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 55.

стали противовесом амбициям центральной власти»[1], уничтожившей удельную систему. Вместе с тем, давая крайне негативную нравственную характеристику опричнине Ивана Грозного, В.Б. Кобрин не отрицал объективной необходимости преодоления «пережитков удельного времени». Действия Ивана Грозного были поэтому, с его точки зрения, не прихотью сумасбродного тирана. В них была своя страшная логика. Так, над старицким князем Владимиром Андреевичем и его семьей была проведена, по его словам, «гнусная расправа». Но ее итогом была «ликвидация последнего удельного княжества на Руси»[2].

Таким образом, в историографии проблеме истории уделов особое внимание уделялось судьбе удельных князей. Между тем, до настоящего времени нет комплексного исследования истории московских уделов второй половины XV – XVI вв. и ликвидации удельной системы, столь характерной для периода объединения русских земель вокруг Москвы. Между тем, постепенная ликвидация удельной системы, заслуживает специального научного исследования.

Цель исследования – показать историю уделов Московской Руси во второй половине XV – XVI вв., когда они играли определенную политическую роль и имели значение во внутренних отношениях великокняжеской семьи. Для реализации поставленной цели нам необходимо решить следующие **задачи:**

– Отразить процесс формирования и развития терминологии удельной системы в Московской Руси;

– Определить место удельной системы в политической, культурной и семейной традиции русского средневековья;

– Показать значения событий феодальной войны при Василии Темном как выражения кризиса основ удельной системы в великом княжестве Московском;

---

[1] Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси… С. 57.

[2] Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008.

– Проследить появление принципиальных изменений в характере удельной системы после завершения феодальной войны при Василии Темном;
– Проследить процесс изменения в отношениях между великими князьями московскими и удельными князьями, а также роли репрессий в проведении великокняжеской политики в отношении уделов;
– Раскрыть предпосылки ликвидации удельной системы в России во второй половине XVI в.

Научная новизна исследования заключается в попытке комплексного изучения проблемы истории последних уделов Московской Руси. Поставленная проблема позволяет представить единство и преемственность процессов социально-политического развития страны на протяжении от удельного времени до единого Русского государства.

Глава 1. Уделы Московской Руси в конце XIV – первой половине XV вв.: причины возникновения

1.1. Появление уделов как традиция русского средневековья

Понятие об уделах Московской Руси XV – XVI вв., тесно связано с научным представлением о феодализме как системе общественно-политических и межличностных отношений эпохи средневековья. Появление уделов связано с процессом распада системы родового единства между князьями, существовавшей в Киевской Руси. В результате этого процесса на место родовых интересов, приходит понимание защиты и сохранения за собой наследственных владений «уделов».

Удельная система сложилась на Руси исторически и включала в себя как уделы членов великокняжеской семьи, так и уделы, полученные в результате великокняжеского пожалования. Однако эта система содержала внутреннюю противоречивость, поскольку удельный князь обладал чертами суверена, что противоречило идее политического единства русских земель, ставшей главенствующей в политики на всей территории русских земель московских великих князей.

Другими словами, «удел», представлял собой форму феодального землевладения, в XV – XVI вв., который выделялся уже не на основе родового права, распространенного в более ранний, киевский период. Удел, что особенно важно, обладал признаками суверенитета, но суверенитета ограниченного, поскольку сохранялась зависимость удельного князя от великого князя московского. В то же время удельный князь был одновременно вотчинником, в своем владении.

Уделы, начиная с великого князя московского Ивана Даниловича Калиты стали неотъемлемой частью политической системы Московской Руси, а под удельным периодом в историографии понимался большой период ее истории вплоть до завершения объединения русских земель при

Иване III и Василии III. Вместе с тем, удельная система и в целом удельный период в русской истории продолжился до конца XVI в., а исторические предпосылкой этого явления уходят своими корнями в киевский период.

В период раннего русского средневековья, связь между лицом, получавшим от князя землю за службу, была непрочной и зависела от разных конкретных обстоятельств. Наиболее раннее свидетельство связи определенного знатного лица с землей и с проживавшим на ней населением относится в русском летописании еще к первой половине X в., оно касается, такой значимой личности этого времени, как воевода Свенельд. Об этом говорилось Новгородской первой летописи 922 года. В летописном тексте сообщалось, что Свенельд получил от князя Игоря право взимания дани на двух территориях[1].

Усиление Свенельда было столь значительным, что в дальнейшем киевские земли передавались только членам киевской княжеской семьи. Это правило было окончательно закреплено при князе Владимире Святославиче. Под 989 г. в Повести временных лет содержится подробная запись о распределении княжеских столов среди сыновей князя Владимира[2]. Таким образом, к концу X в. на Руси сложилась устойчивая традиция передачи земли младшим членам княжеской семьи. Эта передача регулировалась отношениями внутри княжеского рода и отражала факт родового совладения.

Следующим этапом на пути закрепления земель за определенными князьями и княжескими линиями представляла эпоха княжеских съездов, приходившаяся на конец XI – начало XII вв., отраженная в Повести временных лет. Прежде всего, это относилось к Любечскому съезду князей. Созыв этого съезда, состоявшегося в 1097 г., был ускорен борьбой

[1] Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 5 - 6.
[2] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. Т. 3. С. 109.

с половцами и необходимостью прекращения княжеских усобиц. Закрепление земель рассматривалось как первый шаг на пути к миру между князьями. Отсюда и принципиально важное решение съезда, на которое неоднократно обращалось внимание в историографии: «кождо да держить отчину свою»[1]. После этого в летописи указывалось на земли, полученные князьями. При этом закрепление границ определялось закреплением княжеских столов между разными ветвями потомков Ярослава. Это уже был принципиально иной порядок межкняжеских отношений. Идея политического единства русских земель, пронизывавшая Ярославов род, была отброшена. По существу, в решениях Любечского съезда не было названо главной фигуры среди русских князей. Съезд 1097 года ликвидировал старый, родовой сюзеренитет и создал новый вассалитет, что означало более прочную привязку князя к земле. Съезд князей в Любече имел большое историческое значение, поскольку «…на нем были заложены юридические основы существования суверенных государств на территории бывшей единой Киевской Руси»[2].

Дальнейшие шаги на пути к удельной системе на Руси были связаны с фактическим распадом Киевской раннесредневековой державы. Владимир Мономах и его сын Мстислав Владимирович «были последними князьями, сохранявшими хотя бы внешнее единство Древнерусского государства. При следующем великом князе Ярополке Владимировиче (1132 – 1139 гг.) политическое единство Древней Руси стало стремительно рушиться»[3]. В таких условиях один из новых центров политической жизни русских земель стал складываться на Северо-Востоке. На этих территориях, в междуречье Оки и Волги, сформировалось Ростово-Суздальское

---

[1] Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 2002. С.175; ПСРЛ. Т.1. С. 256.

[2]Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С.38; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.). Курс лекций. М., 1998. С.159; Скрынников Р.Г. История Российская. IX – XVII вв. М., 1997.С. 48.

[3] Ермолаев И.П. Становление российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань, 2004. С.59.

княжество. При князе Юрии Владимировиче Долгоруком Ростово-Суздальская земля стала независимой от Киева. А в 1155 г., после смерти старшего брата Вячеслава, Юрий Долгорукий стал великим князем киевским, оставаясь суздальским князем.

Переход ростово-суздальского княжества к его сыну Андрею Боголюбскому был обусловлен внезапной смертью Юрия Долгорукого в 1157 г. При Андрее произошел переход столицы княжества во Владимир, что позволяло князю ослабить боярское и вечевое влияние на управление княжеством. После этого княжество стало известно как Владимиро-Суздальское. Стремление Андрея Боголюбского к усилению своего влияния в русских землях и внутри своего княжества привели к тому, что у него оказалось множество врагов. Это привело к убийству великого князя в ночь на 29 июня 1174 г. своими слугами, выдвинувшимися в период его княжения. Убийство великого князя привело к восстанию и разграблению замка в Боголюбове, а также к двухлетней междоусобной борьбе[1]. Одной из значимых причин усобицы оказалось отсутствие распоряжения Андрея по поводу распределения княжеских столов в случае его внезапной гибели. В итоге, в 1176 г. великим князем владимирским стал Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. При Всеволоде Большое Гнездо во владимиро-суздальских пределах заметно укрепилась великокняжеская власть. Полную самостоятельность и независимость Владимира от Киева должно было подчеркнуть упоминание его в титуле как великого князя владимирского. В то же время внутри самой Владимиро-Суздальской земли наметилась тенденция к дроблению, характерная для всех средневековых политических образований.

Важным шагом на пути становления удельной системы стало получение княжеского стола в Ростове Великом старшим сыном Всеволода Большое Гнездо Константином. Получение князем

[1] Кривошеей Ю.М. Гибель Андрея Боголюбского: Историческое расследование. СПб., 2003. С. 67 – 76.

Константином Всеволодичем Ростова от отца «стало началом удельного периода в Северо-Восточной Руси»[1]. Переход к этому периоду не был резким. Он напрямую вытекал из практики разделения русских земель и раздачи волостей в княжеских завещаниях начиная с Ярослава и представлял собой развитую практику. Однако передача Константину Ростова не была связана с завещанием умирающего отца, а в интересах политики великого князя владимирского.

Вместе с тем становление удельной системы в пределах Владимиро-Суздальского княжества в начале XIII в. сопровождалось сознательным нарушением Всеволодом Большое Гнездо принципа генеалогического старейшинства между своими сыновьями при распределении их мест в системе межкняжеских отношений. Объяснялось это интересами его политики в русских землях по отношению к своим противникам, потомкам Владимира Мономаха, черниговским князьям.

В 1211 г., накануне своей смерти, Всеволод Большое Гнездо передал владимирский великокняжеский стол своему сыну Юрию[2]. Такое решение вызвало недовольство старшего сына Всеволода Константина. Поэтому в 1212 г., вскоре после смерти Всеволода, Юрий и его брат Ярослав, желая сохранить мир со старшим братом, приходили в Ростов «мириться» с Костянтином[3]. Это свидетельствовало о прочности положения Константина в Ростове как в своей вотчине-уделе, доставшейся ему по воле отца. То же самое можно сказать и о положении его младших братьев, которые также имели свои аналогичные уделы. Так, например, для Юрия это был Владимир, для Ярослава – Переяславль-Залесский. В качестве старейшего из владимиро-суздальских князей был признан Юрий Всеволодич, который мог раздавать уделы. Вместе с тем в отношениях со старшим братом Константином у Юрия Всеволодича сохранялись

[1] Фроянов И.Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 251.
[2] ПСРЛ. Т. 1.С. 435.
[3] ПСРЛ. Т. 1.С. 437.

серьезные проблемы. Они восходили к нарушению генеалогического старейшинства при получении Юрием владимирского великокняжеского стола, тогда как старейший брат, Константин, должен был довольствоваться ростовским уделом.

В итоге, этот конфликт перерос в военное противостояние в битве на Липице 1216 г., когда Юрий вместе со своим младшим братом Ярославом потерпели полное поражение. Вплоть до своей смерти в 1218 г. Константин занимал великокняжеский владимирский стол, и лишь после его смерти Юрий смог вернуть его себе.

Однако, гибель в битве на реке Сить в 1238 г. великого князя владимирского Юрия Всеволодича со всей его семьей, привела к выдвижению на первый план его брата Ярослава Всеволодича, с его сыновьями. Таким образом, вопрос о наделении князей уделами сохранялся и после разгрома Северо-Восточной Руси монголами.

Гибель Ярослава воспринималась на Руси как продолжение нашествия Батыя. Не случайно время появления наиболее яркого литературного произведения этой исторической эпохи «Слова о погибели русской земли» исследователи связывают со временем от нашествия до гибели князя Ярослава. Так именно трагедия этого времени заставляла неизвестного автора искать идеалы в прошлом Руси. Такой идеал он видел в княжении Владимира Мономаха. Это не случайно, поскольку при Владимире Мономахе шло утверждение княжеского рода, многие представители которого погибли от монголов[1].

Однако, реалии того времени были таковы, что в условиях власти Орды на Руси полного возрождения быть не могло, т.к. великий князь получал от хана право на княжение. С другой стороны получение от ханов права на великокняжеское положение укрепляло позиции великих князей Северо-Восточной Руси в отношении других князей, сидевших в своих

[1] Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 122, 123.

уделах.

Удельная система в Северо-Восточной Руси начала формироваться еще в начале XIII в., причем ранее всего в Ростовской земле. В свою очередь, в Ростовском княжестве еще при Константине Всеволодиче началось дробление между его сыновьями, когда Василько получил главный в пределах княжества ростовский стол, Всеволод получил Ярославль, а Владимир – Углич. Затем для внука Константина, Глеба Васильковича, было создано Белозерское княжество. В первой половине XIV в., при великом князе московском Иване Калите, начался переход земель, входивших ранее в состав Ростовского княжества, в состав земель великого княжества Московского. Это были княжества Углицкое, Галичское и Белозерское, которые перешли к Ивану Калите в результате его договоров купли-продажи, о чем упоминалось в духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г[1].

Одним из наиболее известных княжеств являлось Переяславское, поскольку с ним была связана деятельность Александра Невского, который в 1238 – 1263 гг., здесь княжил. Начало Переяславского удела относится к 1212 г., когда перед смертью Всеволод Большое Гнездо передал Переяславль своему сыну Ярославу[2]. Последний переяславльский князь, Иван Дмитриевич, внук Александра Невского, завещал перед смертью в 1302 г. княжество своему дяде, московскому князю Даниилу. Из состава этого княжества выделились удельные княжества Тверское, Дмитровское и Московское. Началом независимости Тверского княжества явился 1247 г. В свою очередь, в дальнейшем, в пределах Тверского княжества, также стали выделяться княжеские уделы. Среди них выделялись Кашинский, Микулинский, Холмский, Зубцовский, Старицкий и некоторые другие[3].

---

[1] Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С.238.

[2] Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 633.

[3] Ермолаев И.П. Становление российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань, 2004. С.120.

Московское княжество получило самостоятельность позже Тверского. Первым московским князем являлся младший сын Александра Невского Даниил Александрович. Однако положение Даниила Александровича в качестве младшего сына Александра Невского не помешала Московскому княжеству уже в первой четверти XIV в. занять весьма значительное место в Северо-Восточной Руси.

В качестве объективных причин «возвышения Москвы» и превращения её в центр объединения русских земель, выделяют: выгодное географическое положение в центре страны; нашествие Орды, которое нанесло удар по старому центру Северо-Восточной Руси – Владимиру и тем самым облегчало выдвижение новых политических центров; перенесение митрополитом Петром в 1326 г. своей кафедры из Владимира в Москву и превращение Москвы в церковный центр Руси.

Политика московских великих князей, в качестве предпосылки объединения страны также имела место. Суть этой политики составляло сочетание опоры на традицию и внесение инноваций в соответствии с изменениями, которые вносило время. Уделы, которые выделялись с начала XIII в. князьями Северо-Восточной Руси нижестоящим князьям, своим сыновьям, выражали культурно-исторические традиции. Это были традиции русской жизни, закладывавшиеся еще в киевский период. Выделение уделов как характерный признак политики великих князей в Северо-Восточной Руси не только составлял культурно-историческую традицию, но и традицию, которая способна была достаточно гибко реагировать на особенности своего времени, сохранять традиции и принимать новые явления. Все это нашло проявление в событиях и явлениях внутренней жизни формировавшегося в XIV – XVI вв. Московского государства.

1.2. Уделы в Московской Руси XIV – первой половины XV вв.

Первые подробные сведения об уделах Московского великого княжества, выделявшихся великокняжеским сыновьям, содержит духовная грамота 1339 г. Ивана Даниловича Калиты. В грамоте упоминалось получение наследия сыновьями великого князя Семеном, Иваном и Андреем. Об отсутствии значительных различий между сыновьями свидетельствует четко выраженная в грамоте воля великого князя о передаче главного города княжества, Москвы, не одному из сыновей, а всем. Следовательно, решение судьбы Москвы великий князь предоставлял сыновьям, т.к. сам не выделял никого из них.

Однако на первое место среди сыновей Иван Калита ставил Семена, об этом прямо говорилось в конце грамоты. По существу великий князь ставил перед старшим сыном задачу, которая заключалась в заботе о всей семье и родственниках Ивана Калиты. Это не было распоряжением о передаче великокняжеского стола, поскольку этот вопрос решала ханская власть и оформляла свое решение через ярлык.

Семейные интересы играли для Ивана Калиты определяющую роль. Великое княжество Московское было для него своего рода приложением к семейным интересам и средством их надежного обеспечения, а создание самых благоприятных условий для существования семьи было главной целью его последней воли, выраженной в духовной грамоте. Утверждение в рамках княжества власти старшего сына Симеона, вытекало из самого его генеалогического старейшинства в большой семье, остававшейся после кончины отца. Указание на такое старейшинство считалось вполне достаточной гарантией безусловного признания его первенствующего положения в семье и, следовательно, вытекавшего отсюда единства Великого княжества Московского. В целом такое представление оказывалось оправданным. Как замечал В.О. Ключевский, говоря о великокняжеских сыновьях-наследниках, «эти князья дружно живут друг с

другом. Они цепко держатся завета отцов. В продолжение четырех поколений, со смерти Данила до смерти Василия Дмитриевича, Московское княжество было, может быть, единственным в Северной Руси, не страдавшим от усобиц собственных князей»[1].

Данное замечание крупнейшего русского историка конца XIX – начала XX вв. имеет особый интерес в связи с тем, что в нем по существу четко выражена формулировка одной из причин последующего «возвышения Москвы» и превращения ее в центр объединения русских земель. Между тем, данная причина имела весьма существенное значение. Отсутствие внутренних усобиц создавало условия для хозяйственного развития княжества.

Говоря об удельной системе в Московской Руси, возвращаясь к цитате В.О. Ключевского, следует отметить, что личные качества князей могли являться определенной гарантией ее прочности и длительного сохранения. Вместе с тем условием всего этого было отсутствие каких-нибудь серьезных потрясений внутри самой системы. Что же касается внешних потрясений, то они были связаны с борьбой против других претендентов на ведущую роль в русских землях. Среди них следует выделить княжества – Литовское и Тверское. Однако это были такие потрясения, которые не нарушали внутреннюю устойчивость удельных отношений внутри Великого княжества Московского и не могли поставить под вопрос факт его внутреннего единства, как и не могли поставить под сомнение и существование самой удельной системы в Великом княжестве Московском.

На сохранение внутреннего единства Великого княжества Московского и стабильности в отношениях между великим князем Симеоном Ивановичем Гордым и его младшими братьями, князьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем, указывала договорная грамота, которая датируется примерно 1350 – 1351 гг. В ней братья

[1] Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 2002. С. 50 – 51.

подчеркивали свою приверженность заветам отца. По существу, гарантией крепости договора между великим князем московским и его братьями, удельными князьями, служила в данном случае ссылка на семейные узы и на семейные ценности, прочность которых для договаривавшихся сторон была очевидной. Со ссылкой на семейные ценности в грамоте выражены основы договорных отношений, в соответствии с которой удельные князья обязывались старшего брата чтить как отца, а великий князь, в свою очередь, обязывался, перед удельными князьями, учитывать их интересы, как во внутренней жизни княжества, так и перед лицом других княжеств.

Содержание и смысл договорной грамоты князя Симеона Ивановича с братьями имеет некоторую особенность по сравнению с духовной Ивана Калиты. В духовной грамоте не видно людей за пределами узкого мира великокняжеской семьи. В договорной грамоте, оформленной примерно через десять лет после духовной, помимо большой великокняжеской семьи, включавшей великого князя Симеона, его братьев и княгиню-вдову Ивана Калиты, упомянуты княжеские люди из числа бояр. Само по себе упоминание об этих людях предполагает, что, помимо семейных отношений, в ней затронуты вопросы управления, выходившие за рамки семейных связей и носивших в себе функции, характерные для государственного управления со стороны носителя власти.

На аналогичных основах была составлена духовная грамота 1358 г. великого князя московского Ивана Ивановича Красного. Раздел Великого княжества Московского на уделы происходил между сыновьями Ивана Красного Дмитрием и Иваном, а также его племянником, князем Владимиром Андреевичем. Для его вдовы, княгини Марьи, также предусматривались «волости», которые она должна была получить. Вместе с тем по сравнению с духовной грамотой Ивана Калиты имелось довольно существенное изменение. Так, в грамоте Ивана Калиты ничего не говорилось о том, как необходимо было распоряжаться выделенными княгине волостями в случае ее кончины. В грамоте же Ивана Красного

было указано, что области, которые будут отданы вдове великого князя, после ее смерти перейдут Дмитрию. Таким образом, в этой грамоте предпочтение было отдано старшему великокняжескому сыну, Дмитрию Ивановичу. Такого предпочтения, как мы видим, не было в духовной грамоте Ивана Калиты. Других существенных изменений в духовной грамоте Ивана Красного не прослеживается. По-прежнему главный город княжества – Москва - делится между наследниками поровну. Само по себе строгое разделение Москвы на три равные части с соблюдением прав племянника наравне с сыновьями свидетельствовало о господстве семейного начала в процессе выделения княжеских уделов, о прочности сохранения традиции, основанной на представлении о существовании большой великокняжеской семьи, в которую включался племянник, серпуховской и боровский князь Владимир Андреевич. Следовательно, великий князь московский выступал в качестве держателя удела наравне с удельными князьями.

Здесь необходимо, отметить, что великий князь московский Дмитрий Иванович должен был принимать на себя ограничения в той же мере, как и удельные князья. Признание прав на удел составляло один из принципов этого договора. Но при признании прав на удел договор основывался также на другом принципе, который составлял признание вассальной иерархии и вассальной службы. В соответствии с принятой в Московской Руси терминологией, в грамоте великий князь московский Дмитрий Иванович именовался в качестве «брата старейшего», а удельные князья как «братья младшие». Так, например, как вассал, князь Владимир Андреевич был не вполне самостоятелен, т.к. ему запрещалось вести переговоры с кем-либо из князей без участия в них Дмитрия Ивановича. В свою очередь, Дмитрий Иванович, формально, так же был обязан приглашать удельных князей для ведения переговоров, но, фактически, являясь великим князем, этого не делал.

Такое положение дел являлось существенным ограничением прав

уделов, причем такое ограничение выдвигалось на уровень принципа во взаимоотношениях между великим князем московским и удельными князьями. Такая мера объясняется обострением борьбы между крупнейшими княжествами за первенство на Руси. В ходе этой борьбы свободная внешняя политика удельных княжеств могла существенно помешать московским интересам.

Тенденция к ограничению самостоятельности удельных княжеств при князе Дмитрии Ивановиче развивалась постепенно. Однако, наиболее заметна она на примере новой договорной грамоты с удельным серпуховско-боровским князем Владимиром Андреевичем 1389 г. В грамоте 1389 г., во-первых, повышался статус великого князя как сюзерена по отношению к удельному князю Владимиру Андреевичу. Это уже не были отношения как «старшего брата к младшему». Здесь уже четко указывалось, что великий князь становился отцом, а его сын старшим братом по отношения к удельному князю. Место князя Владимира Андреевича в московской иерархии устанавливалось вразрез с генеалогическим принципом. Получалось так, что его двоюродный брат, великий князь московский Дмитрий Донской, обозначался в качестве его отца. Во-вторых, сын и наследник Дмитрия Донского Василий, племянник серпуховско-боровского князя становился по этой грамоте его старшим братом. Между тем, семейное начало, которое составляло основу межкняжеских отношений еще при Иване Калите, основывалось на строгой генеалогии. В договорной грамоте 1389 г. генеалогическое начало отступало перед принципом политического первенства московских князей. Младший в генеалогическом отношении князь Василий Дмитриевич по отношению к князю Владимиру Андреевичу получал старейшинство в связи с тем, что Великое княжество Московское имело более высокий политический статус по сравнению с удельным Серпуховско-Боровским княжеством. Принцип политической значимости выступал на первый план по отношению к генеалогическому принципу, что и было зафиксировано в

договорной грамоте 1389 г. Встраивание Владимира Андреевича в формировавшуюся политическую систему великого княжества Московского означало предпосылку для дальнейшего ограничения суверенитета удельного Серпуховско-Боровского княжества.

Особый интерес представляет духовная грамота Дмитрия Донского от 13 апреля – 16 мая 1389 г[1], которая имела черты традиционализма и консерватизма. Определяется это, во-первых, в разделении Москвы между сыновьями, в данном случае между князьями Василием, Юрием, Андреем и Петром. Во-вторых, это заметно по разделению важнейших после Москвы городов княжества между четырьмя старшими сыновьями: Коломна, Звенигород, Можайск и Дмитров досталось соответственно князьям Василию, Юрию, Андрею и Петру.

В то же время в ней имелись некоторые принципиально новые стороны. Важнейшим отличием духовной грамоты Дмитрия Донского от духовных грамот предыдущих великих князей московских состояло в передаче титула великого князя московского по наследству старейшему сыну Василию[2]. С этим связывалось также возникновение нового принципа престолонаследия, заключавшегося в передаче московского великокняжеского стола от отца к сыну, заменившего существовавший с киевских времен лествичный принцип, а также получение великого княжеского стола без ханского одобрения на ярлык. Объяснялось это последствиями Куликовской победы.

Для удельной системы и взаимоотношений между великим княжеством Московским и удельными князьями, эти изменения заключались в усилении позиций великого князя, роль которого в распоряжении уделами неизбежно возрастала в связи с его возможностями распоряжаться княжескими столами. Однако, при сохранении зависимости русских земель от Орды, возможность передачи великокняжеского стола

[1] ПСРЛ. Т. 4. С. 372.
[2] ПСРЛ. Т. 4. С. 373.

была относительной. Поэтому усиление великокняжеских позиций выражалось не столько в практике межкняжеских отношений, сколько в виде тенденции. Поэтому даже передача московского великокняжеского стола по наследству от Дмитрия Донского к Василию Дмитриевичу осуществлялось не только по воле отца, но и не без согласия Орды. Во всяком случае, как сообщалось в Никоновской летописи, князь Василий Дмитриевич был посажен на великий стол ханом Тохтамышем[1].

Заметное отличие данной духовной грамоты от более ранних грамот состояло также в указанном в ней порядке разделения Москвы. Речь шла уже не о разделении столицы великого княжества равными долями, а о существенном преимуществе перед братьями старейшего брата, князя Василия. Таким образом, в самой Москве старейший брат получал заметное преимущество перед другими братьями. Они же получали за это определенную компенсацию из числа городов, купленных еще Иваном Калитой.

Кроме этого, данная грамота создала и возможность междоусобной борьбы, т.к. в ней прямо предусматривалась возможность перехода московского великокняжеского стола в случае кончины великого князя Василия Дмитриевича ближайшему к нему по старейшинству брату Юрию Дмитриевичу. Эта часть духовной грамоты Дмитрия Донского не только создавала предпосылки для претензий князя Юрия Дмитриевича на московский великокняжеский стол и, следовательно, для феодальной войны при великом князе московском Василии Васильевиче Темном. Она вносила определенную путаницу в систему удельных княжений Великого княжества Московского и выдвигала Галичско-Звенигородский удел князя Юрия Дмитриевича на особое место в рамках этой системы, придавая ему большее значение, чем удельным княжествам других братьев великого князя Василия Дмитриевича.

Духовная грамота Дмитрия Донского 1389 г. свидетельствует о том,

[1] ПСРЛ. Т. 4. С. 375.

что новые стороны в отношениях между великим князем и удельными князьями пробивали себе дорогу. Проявлялось это в усилении позиций старшего сына Василия, который по этой грамоте становился великим князем московским, в самой Москве, что было, несомненно, очень важно, учитывая особое место столичного города в пределах великого княжества. Кроме того, он получал такие материальные средства, которые были несопоставимы со средствами других сыновей – наследников Дмитрия Донского.

В историографии неоднократно сопоставлялись размеры ордынского выхода, который, согласно духовной грамотеДмитрия Донского, должны были собирать в своих уделах разные сыновья, причем доля Василия Васильевича, становившегося великим князем московским, значительно превышала долю любого из братьев[1].

Еще одно новое явление было заметно в этой духовной грамоте. Если в грамоте Ивана Калиты удельными князьями выступали все его сыновья-наследники, то в духовной грамоте Дмитрия Донского в качестве удельного князя выступали не только его сыновья, но и князь Владимир Андреевич, являвшийся в генеалогическом отношении не сыном, но братом великого князя московского. Серпуховско-Боровское княжество, в котором он был князем, выступало, таким образом, одним из московских уделов, а сам князь – удельным князем по отношению к великому князю московскому, которым по духовной грамоте Дмитрия Донского становился его сын Василий Дмитриевич.

Такое положение князя Владимира Андреевича было подтверждено в его договорной грамоте с великим князем московским Василием Дмитриевичем, которая датируется периодом 1390 г., сразу после кончины Дмитрия Донского. По этой грамоте этот князь признавал великого князя московского Василия Дмитриевича «старшим братом». Другими словами

[1] И.П. Ермолаев указывал, что Василий собирал 342 рубля, Юрий - 272, Андрей - 187, Петр - 111, Иван - 5. См.: Ермолаев И.П. Становление российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань, 2004. С. 164.

принцип, установленный в духовной грамоте Дмитрия Донского, по которому к удельным князьям могли относиться не только родные братья, был, таким образом, подтвержден. В данном случае, он относился к князю Владимиру Андреевичу. Это предполагало возможность распространения данного принципа и на других князей.

В свою очередь, Серпуховско-Боровское удельное княжество также подлежало дроблению на уделы. По духовной грамоте князя Владимира Андреевича 1402 г[1]. предусматривался раздел княжества между его сыновьями, князьями Иваном, Семеном, Ярославом, Андреем и Василием. По сравнению с уделами сыновей Дмитрия Донского, уделы сыновей князя Владимира Андреевича были невелики. Некоторым исключением являлся удел старейшего сына Ивана и следующего по старшинству Семена, которых Владимир Андреевич благословлял крупнейшими городами удела. Первый из них получал княжение в Серпухове, второй – в Боровске. Особенно невелики были доли каждого из братьев, когда Владимир Андреевич делил между ними «свою треть» в Москве. Тем самым создавались предпосылки измельчания уделов, которое становилось неизбежной перспективой развития феодальной удельной системы, и, в этой связи, дальнейшего ограничения их самостоятельности. Такие предпосылки носили генеалогический характер. Но в условиях средневековья, когда генеалогия и политика были тесно связаны, такие предпосылки, в качестве своего отдаленного последствия, указывали на упадок удельной системы.

Впрочем, в первой духовной грамоте великого князя московского Василия Дмитриевича 1406 – 1407 гг. речь о разделе великокняжеского удела не шла, поскольку передача московского стола и удела предусматривалась только одному князю, его сыну Ивану Васильевичу. Характерно, что в этой грамоте предусматривалась значительная роль удельных князей. Так, князья Владимир Андреевич, а также князья Андрей

[1] ПСРЛ. Т. 4. С. 382.

Дмитриевич и Петр Дмитриевич были указаны в качестве опекунов малолетнего сына Ивана. Они при этом в духовной грамоте были названы по отношению к Василию Дмитриевичу в соответствии со своим генеалогическим значением. Так, о серпуховско-боровском князе было указано как о «своем дяде», а об удельных князьях Андрее Дмитриевиче и Петре Дмитриевиче – как о «своих братьях». Не менее характерно и то, что среди князей-опекунов не был назван следующий его по старейшинству брат, князь Юрий Дмитриевич. Не предусматривалось раздела и во второй духовной грамоте князя Василия Дмитриевича, которую относят к 1417 г[1]. Разница состояла только в том, что вместо князя Ивана наследником становился другой его сын, князь Василий Васильевич. И так же, как в его духовной грамоте 1406 – 1407 гг., были назначены князья-опекуны. Так же, как и в предыдущей грамоте, среди опекунов не был назван князь Юрий Дмитриевич. Опекунами указывались, как и в предыдущей грамоте, братья Василия Дмитриевича, князья Андрей и Петр, а также не названный в грамоте 1406 – 1407 гг. князь Константин Дмитриевич. В то же время в духовной грамоте 1417 г. имелось одно весьма заметное изменение. Прежде всего, опекунство великий князь московский Василий Дмитриевич поручил «своему брату» и тестю, великому князю Витовту. Среди князей-опекунов значились удельные князья Серпуховско-Боровского княжества. Из них по именам были названы князья Семен Владимирович и Ярослав Владимирович, а другие сыновья князя Владимира Андреевича было записаны как «и другие братья указанных».

Говоря об удельной системе Великого княжества Московского первой четверти XV в. можно сделать вывод, что, во-первых, московская великокняжеская власть полностью признавала юридическую силу духовной грамоты серпуховско-боровского князя, во-вторых, мелкие удельные князья Серпуховско-Боровского княжества, признаваемые опекунами малолетнего великого князя московского, признавались

[1] ПСРЛ. Т. 4. С. 383.

одновременно в качестве удельных князей в системе Великого княжества Московского.

Таким образом, удельная система, сложившаяся к началу XV в. в Великом княжестве Московском, выражала отношение в великокняжеской семье. Отражением ее выступали великокняжеские завещания, выраженные в духовных грамотах, и договоры между великими и удельными князьями в договорных грамотах. Выделение уделов служило средством обеспечения сыновей-наследников. Одновременно они служили средством обеспечения единства Московского великого княжества при признании прав на великое княжение со стороны старейшего из сыновей-наследников, получавших великокняжеский титул, и признания им прав своих братьев – удельных князей. При этом в качестве удельного князя выступал также великий князь московский, имевший свой удел. Начиная с духовной грамоты Ивана Ивановича Красного, обозначилась тенденция к увеличению в великокняжеском наследстве доли великого князя московского. В систему удельных княжеств Великого княжества Московского начиная с Дмитрия Ивановича входили не только великий князь со своими сыновьями, но и двоюродный брат великого князя московского, серпуховско-боровский князь Владимир Андреевич. Таким образом, удельная система Великого княжества московского выходила за узкие семейные генеалогические рамки.

Новой важной тенденцией, наметившейся в развитии удельной системы в Великом княжестве Московском, стало выделение Дмитрием Донским своему сыну Василию великокняжеского стола по завещанию. Это не только способствовало росту значимости великого князя московского среди удельных князей. Это также придавало удельной системе значение не только для великокняжеской семьи, но и политическое значение, поскольку закладывалась традиция распоряжения великих князей московских великокняжеским столом. В условиях зависимости Москвы от Орды эта тенденция, однако, не получила своего

развития.

Наконец, удельная система Великого княжества Московского не обеспечивала принципа вассальной вольности для людей, находившихся на княжеской службе, но ставила их в положение невольных слуг по отношению к князю.

1.3. Кризис удельной системы в Московской Руси во второй четверти XV в.

Вторая четверть XV в. в Московской Руси было временем невиданной ранее по своим масштабам усобицы, известной в историографии в качестве феодальной войны. Наименование представляется весьма удачным. Оно соответствует научному представлению о феодализме как о стадии в развитии общества, которая приходится главным образом на средние века и которая находит комплексное выражение в соответствующих отношениях социально-экономического и политического характера, в присущей этим отношениям материальной и духовной культуре. В этой связи оценка междоусобицы крупных сеньоров-землевладельцев в качестве феодальной войны не может вызвать возражения.

Одним из характерных признаков личностных и политических отношений в рамках феодальной системы является сюзеренитет-вассалитет.

В целом ряде стран Западной Европы сюзеренитет-вассалитет пронизывал всю систему отношений внутри военно-землевладельческого класса общества, в результате чего выстраивалась характерная для него феодальная лестница, объединявшая весь этот класс от королей и герцогов до простых рыцарей. В Московской Руси степень ее распространения была более узкой т.к. она находила проявление лишь в княжеской среде. Об этом свидетельствовали формуляры великокняжеских духовных грамот и межкняжеских договорных грамот. В данных грамотах отношения

сюзеренитета-вассалитета выражались в родственной форме, тогда как генеалогическое старейшинство часто соответствовало старейшинству по сеньориально-вассальной линии[1].

Один из основополагающих принципов сюзеренитета-вассалитета – верность. Она должна была носить взаимный характер и проявляться как сюзереном, так и вассалом. С этим принципом были связаны формуляры некоторых договорных грамот великих и удельных князей.

Отношения сюзеренитета-вассалитета носят личностный характер. Следовательно, они зависят в весьма большой степени от личных качеств, от особенностей характера лиц, вступивших в эти отношения. Неспособность учесть данное обстоятельство не позволяет уяснить сущность и характер процессов в общественной жизни, имевших место в средневековье. Московские князья не имели больших амбиций, и это обстоятельство обеспечивало более или менее спокойное состояние в межкняжеских отношениях вплоть до княжения в Москве Василия Васильевича[2].

Положение стало меняться в годы княжения Василия Дмитриевича, у которого были настолько непростые отношения со своим младшим братом, князем галичским и звенигородским Юрием Дмитриевичем, что великий князь московский не включал его в своих духовных грамотах в число опекунов своего сына, притом, что включал серпуховско-боровских князей менее близких родственников. Связано это было с тем, что Юрий Дмитриевич не оставлял мысли о московском великокняжеском столе. Надежду на это давала ему духовная грамота 1389 г. Дмитрия Донского. Стремление же великого князя московского Василия Дмитриевича к передаче этого стола своему сыну, десятилетнему князю Василию Васильевичу, вызывала решительное неприятие со стороны галичско-звенигородского князя и создавала ситуацию в межкняжеских отношениях,

[1] Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 224
[2] Гуревич А.Я. История историка. М., 2004. С. 61.

которая могла привести к выступлению против номинального сюзерена.

Галичско-звенигородский князь Юрий Дмитриевич опирался на значительный удел, включавший город Звенигород к западу от Москвы и северо-восточный Галич с обширной округой. На севере и на северо-востоке Руси существовали условия для успешного развития более прогрессивных социально-экономических отношений с некоторыми чертами рыночных связей, чем это было в московских землях, где формировались условия для возникновения крепостничества. Городское население в этих землях не изжило традиций вечевой вольности, которых не было к тому времени в Москве. И, следовательно, удел князя Юрия Дмитриевича был территорией, где складывались более передовые и благоприятные тенденции в экономическом и социальном развитии страны. Следовательно, удел выделялся на Руси не только своей величиной.

Кроме того, князь Юрий Дмитриевич хорошо знал о своих правах на московский великокняжеский стол, которые наступали, по духовной грамоте его отца, Дмитрия Донского, после его старшего брата Василия. Этот документ обеспечивал правовое подкрепление его амбициям, поскольку вообще духовная грамота великого князя московского являлась главным документом в великом княжестве. Между тем, стремление к нарушению этого принципиального положения, со стороны великого князя Василия Дмитриевича, обнаружились еще в первой его духовной грамоте 1406 – 1407 гг., когда он намеревался осуществить передачу московского стола своему сыну Ивану. Смерть князя Ивана в 1417 г. привела к провозглашению в новой духовной грамоте 1417 г. в качестве наследника другого сына, князя Василия, родившегося в 1415 г. Стремление великого князя укрепить его положение вызвало протест младшего брата, князя Константина Дмитриевича. За этот протест, великий князь отнял у него вотчину, и Константину пришлось бежать в Новгород, где он был

торжественно принят[1]. Князь Константин Дмитриевич единственный из братьев решился на выражение протеста. Но само по себе выражение протеста в большой великокняжеской семье свидетельствовало о наличии предпосылок к выступлению против передачи московского стола князю Василию Васильевичу.

Еще одним серьезным обстоятельством, подкреплявшим притязания князя Юрия на московский великокняжеский стол, были его несомненные боевые заслуги перед Великим княжеством Московским. Так, в январе 1414 г. он возглавлял поход на Нижний Новгород по поручению великого князя. Он должен был восстановить его власть в этом городе и по сообщению летописи, при приближении князя Юрия нижегородские князья во главе с князем Даниилом Борисовичем бежали из города за реку Суру[2]. Вступление Юрия Дмитриевича в Нижний Новгород прошло триумфально. В данном случае князь Юрий выполнял вассальную службу старшего брата и своего сюзерена, великого князя московского, однако, этим походом он показал, что является полководцем, способным успешно решать военные задачи в борьбе с разными противниками Москвы.

Все это предопределило вступление князя Юрия Дмитриевича в решительную борьбу за московский великокняжеский стол. Однако первый этап его борьбы с 1425 по 1432 гг., носил характер мирного, в большей степени дипломатического противостояния, с московской великокняжеской властью[3]. На этом этапе князь Юрий сразу же заявил о непризнании перехода московского великокняжеского стола племяннику. Но в борьбе с ним он не получил необходимой поддержки, поскольку дядья Василия Васильевича, князь можайский Андрей, князь дмитровский Петр и даже князь углицкий Константин поддержали молодого великого князя. Еще большее значение для десятилетнего в 1425 г. Василия

[1] ПСРЛ. Т. 5. С. 244.
[2] ПСРЛ. Т. 5. С. 253.
[3] Ермолаев И.П. Становление российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань, 2004. С.164.

Васильевича имела поддержка деда, великого князя литовского Витовта, а также церкви в лице митрополита Фотия.

Однако в течение 1428 – 1433 гг. все князья, поддерживавшие Василия Васильевича, а также митрополит Фотий, скончались, и положение молодого великого князя московского стало очень сложным. В споре за право на московский стол обе стороны в 1432 г. обратились к хану Улу-Мухаммеду. В Орде боярин Иван Дмитриевич Всеволожский, отстаивавший интересы великого князя, привел более приемлемые для ханской власти аргументы, чем Юрий Дмитриевич. В итоге в Орде было принято решение в пользу Василия Васильевича.

Последующие события обращают на себя внимание с точки зрения представлений о значении уделов. Отказав князю Юрию в праве на московский великокняжеский стол, хан пожаловал его Дмитровским уделом, который после смерти в 1430 г. дмитровского князя Петра Дмитриевича оказался выморочным. Однако московская власть решила не передавать Дмитров галичско-звенигородскому князю. Этот эпизод свидетельствует, что власть Орды над Москвой была относительной, и какие из распоряжений хана подлежали выполнению, а какие нет, решали в Москве.

Эти события привели к резкому обострению отношений между великим князем и галичско-звенигородским князем. В значительной мере этому способствовала мать Василия Васильевича, Софья Витовтовна. Так, заключенный по ее воле брак сына с внучкой серпуховско-боровского князя Владимира Андреевича, Марией Ярославной, привел к отъезду из Москвы в Галич, к князю Юрию, боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского в соответствии с вассальным правом отъезда вольных слуг. Кроме того, когда во время свадьбы в феврале 1433 г. Софья Витовтовна увидела на сыне князя Юрия, Василии, золотой пояс и сорвала его, тем

самым она нанесла оскорбление всей семье князя Юрия[1]. Это привело к открытию военных действий. В ходе их вопрос об уделах приобрел большое значение. Изгнав Василия Васильевича из Москвы, князь Юрий Дмитриевич, заняв московский великокняжеский стол, дал ему в удел Коломну. Этот город в великом княжестве считался вторым после Москвы.

По существу, таким положением дел была восстановлена норма духовной грамоты Дмитрия Донского, по которой после Василия Дмитриевича великим князем становился его брат Юрий, а сын Василия Дмитриевича как представитель старшей княжеской линии получал второй по значению город. Восстанавливался также лествичный порядок восхождения князей к великокняжескому столу. Но, возродив удельную старину, князь Юрий увидел, что такое возрождение не было принято в Москве. Как только князь Василий оказался в Коломне, в Москве многие бояре стали переходить в Коломну. Недовольны были и его сыновья, князья Василий Юрьевич и Дмитрий Юрьевич Шемяка, которые в такой ситуации были отброшены в наследовании. В таких условиях князь Юрий вернул московский стол племяннику[2].

Междоусобица принимала большой размах. В 1434 г., великий князь Василий решает захватить Галич. Не имея сил для защиты города, князь Юрий, вынужден был бежать в Вологду. После этого великий князь, осуществляя свою месть дяде, город Галич был сожжен, жители проданы в рабство. Так княжеская война сказывалась на положении населения. Весной того же года князь Юрий, уже вновь вместе с сыновьями, нанес ответный удар. В Ростовской земле произошло сражение, в котором великий князь потерпел поражение и бежал в Новгород.

Вступив в Москву, князь Юрий Дмитриевич оформил свою победу, провозгласив себя великим князем. После смерти Юрия Дмитриевича великим князем провозгласил себя его сын Василий Юрьевич. Однако его

[1] Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. 5. С. 151.
[2] ПСРЛ. Т. 5. С. 257.

не приняли его же братья, князь Дмитрий Шемяка и князь Дмитрий Красный. Отсутствие поддержки со стороны братьев заставило Василия Юрьевича покинуть великокняжеский стол в Москве и бежать в Ржев. Василий Васильевич вернулся в Москву. Закрепить свое возвращение на великокняжеский стол он попытался с помощью раздачи уделов. Князь Дмитрий Шемяка получил Углич и Ржев, а младший его брат, князь Дмитрий Красный – Бежецкий Верх. Князь Василий Юрьевич остался противником великого князя московского и собирал силы в Костроме для продолжения борьбы за великокняжеский стол. Заслуги князей Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного были признаны великим князем Василием Васильевичем, т.к. они вошли в систему уделов Великого княжества Московского.

События 1425 – 1434 гг. показали, что в рамках удельной системы Великого княжества Московского могла возникнуть ситуация, создающая угрозу великокняжеской власти. Ее вызвало появление князя Юрия Дмитриевича. Его стремление к московскому великокняжескому столу опиралось на духовную грамоту Дмитрия Донского. Он достиг того, к чему стремился, и окончил жизнь на московском великокняжеском столе, но такое впечатление, скорее всего, поверхностное. В условиях, когда в Москве выражали свое отрицательное отношение к нему и многие покидали столицу и уходили в Коломну к поверженному Василию Васильевичу, и когда он не мог полностью положиться даже на сыновей, ему было бы очень трудно удержать за собой московский стол. Однако факт занятия московского стола князем Юрием свидетельствовал о непрочности системы уделов, в рамках которой удельный князь при наличии соответствовавших предпосылок мог не только начать вассальный бунт, но и одерживать верх над великим князем. Такие же великокняжеские амбиции имели сыновья князя Юрия Василий и Дмитрий Шемяка. Но, в отличие от князя Юрия, у них не было никаких правовых оснований для борьбы за великокняжеский стол – ни в виде духовной

грамоты отца, ни в соответствии с лествичным порядком замещения великокняжеского стола, известным еще в Киевской Руси.

В период с 1434 до 1436 гг. продолжалась борьба Василия Юрьевича с великим князем московским. Великокняжеская власть в ходе этой борьбы сделала даже попытку ввести этого своего противника в систему московских уделов. После переговоров под Костромой весной 1435 г. великий князь дал Василию Юрьевичу «город Дмитров в вотчину»[1]. Однако это не привело к прекращению борьбы. Не желая довольствоваться ролью дмитровского удельного князя, он в 1436 г. выступил против своего сюзерена. В этой борьбе он потерпел поражение и был ослеплен, после чего получил прозвище Василия Косого[2]. После этого междоусобная война ненадолго прекратилась.

Новое обострение войны началось в 1445 г., после того, как хан, созданного в 30-х гг. XV в. Казанского ханства, Улу-Мухаммед как бывший хан Золотой Орды стремился заставить Москву платить дань в Казань. В битве под Суздалем 7 июля 1445 г. великий князь Василий потерпел поражение от хана и попал в плен. Необходимость уплаты выкупа вызвала недовольство в Москве. Это привело к восстанию против пленного великого князя, которое возглавил Дмитрий Шемяка. Выкупленного великого князя Дмитрий Шемяка ослепил, после чего он получил прозвище Темный, и 16 февраля 1446 г. отправил в тюрьму в Угличе. Таким образом, московский великокняжеский стол оказался в руках Дмитрия Шемяки.

Так же, как и его отец и старший брат, Дмитрий Шемяка не получил поддержки в Москве. Уже осенью 1446 г. он был вынужден выпустить Василия Темного из тюрьмы. Лично митрополит просил за освобождение Василия Темного, ссылаясь при этом на неспособность слепого князя вести с ним борьбу. В итоге, мнение церкви и москвичей заставили

[1] ПСРЛ. Т. 5. С. 262.
[2] Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. 5. С. 172.

Дмитрия Шемяку выпустить Василия Темного. В данном случае Вологда выделялась как вотчина, обеспечивавшая Василию Темному проживание после потери великокняжеского стола. Однако Василий Темный продолжил борьбу и в период отсутствия Дмитрия Шемяки в Москве в феврале 1447 г., занял столицу и вернул себе положение великого князя московского. После этого феодальная война вступила в стадию завершения. Сил для борьбы с Василием Темным у Дмитрия Шемяки уже не было. В 1453 г. Дмитрий Шемяка бежал Новгороде где и погиб.

Крупнейшая феодальная междоусобица времен Василия II Темного свидетельствовала о неустойчивости положения в Великом княжестве Московском, основанного на балансе отношений между великокняжеской властью и удельными князьями. Наличие значительных уделов и сильных удельных князей не угрожало устойчивости внутреннего положения великого княжества, если удельные князья не находили оснований для притязаний на великокняжеский стол. Только духовная грамота Дмитрия Донского 1389 г. создала правовое основание для сильного и решительного удельного князя Юрия Дмитриевича выдвинуть свои претензии на занятие московского великокняжеского стола и ввергнуть великое княжество в ситуацию бунта крупнейшего великокняжеского удельного вассала. Оказалось, что сложившаяся в Великом княжестве Московском система уделов способна привести к его распаду. Изменение сложившейся системы выделения уделов оказалось потребностью московской великокняжеской власти и необходимым условием превращения Московской Руси как семейного вотчинного образования в настоящее государство, по типу других государств Европы эпохи позднего средневековья.

Глава 2. Политика московской великокняжеской и царской власти по отношению к удельным княжествам в середине XV – XVI вв.

2.1. Политика великих князей в отношении уделов после феодальной войны

Политика в отношении уделов и удельных князей составляла одно из основных направлений политики великого княжества Московского после завершения феодальной войны и до конца княжения Василия Темного. Цель этой политики заключалась в стремление не допустить в дальнейшем самой возможности выступления со стороны удельных князей, создания между ними каких-либо союзов и коалиций, направленных на защиту своей самостоятельности и какого-то сопротивления великому князю московскому.

После смерти Дмитрия Шемяки в 1453 г., с которой завершилась феодальная война, резко обострились отношения между великим князем московским и его двоюродным братом, можайским удельным князем Иваном Андреевичем. Василий II выступил против можайского князя в 1454 г., в результате чего удельный князь вынужден был бежать в Литву[1].

Однако, падение одного из уделов великого княжества Московского, Можайского княжества, произошло при сопротивлении жителей города, которые, не желали перехода под непосредственную власть Москвы в лице великокняжеского наместника. Из этого можно сделать вывод, что ликвидация шла не вполне благоприятно для московской великокняжеской власти, причем сопротивление ей было оказано не только со стороны удельного князя, но со стороны жителей города. Следовательно, среди

[1] ПСРЛ. Т. 5. С. 283.

горожан имелась определенная часть, которая не стремилась расстаться со статусом удельного княжества и напрямую подчиняться Москве.

После ликвидации Можайского удельного княжества для Василия Темного необходимо было добиться согласия с происшедшими изменениями другого видного удельного князя в составе великого княжества Московского, серпуховско-боровского князя Василия Ярославича. Вскоре после присоединения этого удельного княжества в 1454 г., между Василием Темным и Василием Ярославичем был заключен договор. В договорной грамоте за великим князем московским оставался Можайск с землями, входившими в состав удельного княжества. Серпуховско-боровский князь по этому договору получал Бежецкий Верх, который входил в состав владений можайского князя Ивана Андреевича, а также Звенигород.

Московско-серпуховской договор 1454 г. действовал совсем недолго. Очень скоро великий князь отобрал у князя Василия Ярославича Бежецкий Верх и Звенигород. Московско-серпуховские отношения стали строиться на основе более ранней договорной грамоты 1450 г., в которой Бежецкий Верх и Звенигород не входили в состав Серпуховско-Боровского удела князя Василия Ярославича. Изъятие этих городов из состава удела послужили причиной конфликта между великим князем московским и серпуховско-боровским удельным князем, который завершился арестом Василия Ярославича 10 июля 1456 г. и заключения его в Угличе. После этого ареста сын Василия Ярославича от первого его брака, князь Иван, и вторая жена самого князя Василия Ярославича бежали в Литву, совершенно справедливо ожидая неизбежного ареста[1].

Обращают на себя внимание некоторые детали, касавшиеся отношений между Василием Темным и серпуховско-боровским князем. Князь Василий Ярославич – во-первых, был шурином великого князя, во-

[1] Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV – XV веках. М., 1960. С. 414.

вторых, во время феодальной войны князь Василий Ярославич поддерживал своего московского сюзерена. Однако, как мы видим, это не остановило намерения великого князя московского расправиться с князем Василием Ярославичем, проявлявшим себя в качестве верного его вассала в тяжелые годы феодальной войны[1].

Верность заточенному в Угличе серпуховско-боровскому князю хранили некоторые его служилые люди. В 1462 г. была предпринята попытка освободить князя из-под ареста, которая закончилась неудачей. Краткое сообщение в летописи свидетельствовало, что даже через несколько лет после ареста князь Василий Ярославич пользовался поддержкой немалого количества своих прежних служилых людей. Совершенно определенно, что эти люди не собирались мириться с новыми реалиями жизни прежнего Серпуховско-Боровского княжества, наступившими после его ликвидации и непосредственного подчинения Москве.

Таким образом, за период после завершения феодальной войны были уничтожены два удела в пределах великого княжества Московского – Можайское княжество князя Ивана Андреевича и Серпуховско-Боровское княжество князя Василия Ярославича. Политическая карта великого княжества Московского тем самым упростилась вплоть до того, как Василий Темный выделил новые уделы для своих сыновей. Из прежних уделов сохранился только один. Это был Верейско-Белозерский удел князя Михаила Андреевича, не пытавшегося играть сколько-нибудь самостоятельной роли[2].

За последние годы княжения Василия Темного были заложены некоторые другие традиции в борьбе московской великокняжеской власти с уделами и удельными князьями. Среди них можно выделить три. Первой из них была ликвидация таких уделов в случае политической

[1] Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. 5. С. 204.
[2] Юрганов А.Л. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. М.:, 2006. С. 11 – 38.

необходимости. Второй являлось заключение в тюрьму тех удельных князей, уделы которых подлежали ликвидации. Третью составляло наличие определенной части населения удельного княжества, недовольной установлением непосредственной власти великого князя московского и готовой отстаивать существование своего удела. Четвертую составляла расправа со сторонниками лишавшихся удельного стола князей из числа служивших им ранее лиц, которая принимала исключительно суровый характер. В числе методов великокняжеской политики по отношению к уделам репрессии заняли особое место. Они должны были с наглядностью донести до всех слоев населения великого княжества Московского идею бесполезности и опасности какого бы то ни было сопротивления великокняжеской власти. Поэтому показательность расправ с противниками была заложена в качестве московской политической традиции. Безусловно, подобные меры вызывали негативное отношение населения, однако с помощью подобных мер власть достигала такой своей цели, как запугивание общества, что позволяло ей проводить свою политику по отношению к уделам, всячески ограничивая вмешательство с его стороны.

Ликвидация двух значимых московских уделов в конце княжения Василия Темного не означала гибели в пределах Московского великого княжества удельной системы в целом.

При Иване III, вступившим на московский великокняжеский стол после смерти Василия Темного 27 марта 1462 г., политика в отношении уделов продолжала сохранять свое большое значение. Определялось это необходимостью внутреннего укрепления великого княжества Московского, от чего в значительной мере зависела способность его проводить объединительную политику в отношении русских земель и, внешнюю политику, направленную на завоевание независимости от Орды и упрочения положения на литовском рубеже.

Для отечественной историографии в целом был характерен взгляд на

Ивана III как на выдающуюся личность русского средневековья, как на исторического деятеля, политика которого вела к успешному завершению формирования единого Русского государства. Такая оценка в полной мере переносилась на политику в отношении уделов внутри великого княжества Московского. По оценке Н. М. Карамзина, Иван III «стоит как Государь на вышней степени величия»[1]. С точки зрения Н.И. Костомарова, при Иване III были внесены принципиально новые начала не только в политический строй страны, но и в тесно связанный с ним характер межличностных отношений. По его словам, «Иван хотел дать этому государству строго самодержавный строй, подавить в нем древние признаки земской раздельности и свободы, как политической, так и частной, поставить власть монарха единым самостоятельным двигателем всех сил государства и обратить всех подданных в своих рабов, начиная от близких родственников до последнего земледельца»[2], в результате чего вносились новые начала в жизнь страны. К признакам «земской раздельности и свободы», которые должны были уступить место всеобщему рабству, Н.И. Костомаров относил удельные княжества. Следовательно, внутренний строй русских княжеств, в том числе уделов, до Ивана III Н.И. Костомаров считал более свободным, по сравнению с тем, который наступил в период его княжения.

Таким образом, оценка политики Ивана III в отношении уделов и удельных князей в трудах историков было далеко не однозначной. С точки зрения одних историков, преобладала позитивная сторона в деятельности великого князя московского в отношении уделов и удельных князей, итогом которой было становление и укрепление единого Московского государства. На взгляд других историков, значимость позитивной стороны объединительной политики Ивана III, которая проявлялась в отношении уделов, в значительной мере снижалась вследствие того, что такая

[1] Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. 2. Т. 6. С. 115
[2] Костомаров Н.И. Великий князь и государь Иван Васильевич // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1995. Кн. 1. С. 204.

политика по отношению к русским землям, включая сокращение самостоятельности уделов, сопровождалась усилением несвободного состояния общества.

Наличие в историографии разных точек зрения на политику в отношении уделов и удельных князей при Иване III дает основание вновь обратиться к источникам и проследить конкретные действия великокняжеской власти и уяснить ее результаты.

Уничтожая уделы можайского князя Ивана Андреевича и серпуховско-боровского князя Василия Ярославича, Василий Темный не разрывал с традицией выделения уделов и, также по традиции, выразил свою волю в духовной грамоте. По духовной грамоте Василия Темного, написанной в марте 1462 г., за традиционной формой скрывалось новое содержание. В этой духовной грамоте не различались территории всего великого княжества Владимирского от московских владений, составлявших великокняжеский удел. Это нашло отражение в упоминании в духовной грамоте городов и земель, отходивших в состав удела старшего сына, Ивана Васильевича, получавшего московский великокняжеский титул. Из прежних уделов сохранился небольшой удел князя Михаила Андреевича, двоюродного дяди Ивана III. Он включал Верею и Белоозеро. И со смертью князя Михаила Андреевича в 1485 г. Верейское удельное княжество перестало существовать, его территория слилась с землями великого княжества Московского.

Особое внимание Ивану III приходилось уделять отношениям со своими удельными братьями. Проблема Дмитровского удельного княжества стала перед ним после того, как 12 сентября 1472 г. умер в Москве дмитровский удельный князь Юрий Васильевич, которому было неполных тридцать два года[1]. В его духовной грамоте не содержалось распоряжения о судьбе удела. В нем имелись сведения только о его воли в отношении собственных сел, деревень и движимого имущества, которое

[1] Карамзин Н.М. Указ. Соч. Кн 2. Т. 6. С. 151.

распределялось им между матерью, братьями и сестрой, а также о вкладах в монастыри. В грамоте особо подчеркивалось право великого князя в распоряжении делами его удела, но распоряжение по поводу завещания удельного княжества в грамоте отсутствовало. Перед Иваном III открывалась возможность разделить выморочный удел между братьями или выдать им компенсацию. Но с Дмитровским удельным княжеством великий князь поступил нетрадиционно. Он присоединил этот удел к великокняжеским землям. Тем самым, великий князь московский начинал «коренную реорганизацию отношений внутри Московского дома»[1]. Выходило так, что Дмитровское удельное княжество было присоединено к великокняжеским землям в мирное время, вне связи с какой-либо внутренней войной. Кроме того, князь Юрий Васильевич не был противником великого князя московского, и присоединение его удела невозможно рассматривать как акцию, направленную на подавление внутренней удельно-княжеской оппозиции. Это была мера, отражавшая значительное усиление московской великокняжеской власти в русских землях и направленная на дальнейшее ее усиление, на превращение великокняжеской власти во власть самодержавную.

После этого великому князю необходимо было лишь добиться одобрения на переход под его власть Дмитровского удельного княжества со стороны его удельных братьев Андрея Большого, Бориса и Андрея Меньшого. В 1473 г. такой договор между удельными братьями и великим князем был заключен.

Еще одно событие, заслуживающее внимание – это смерть матери великого князя и его удельных братьев, инокини Марфы, или Марии Ярославны. Это случилось 4 июля 1484 г., и привело к худшему положению удельных князей, особенно Андрея Большого. Уход из жизни матери, для которой князь Андрей Большой был любимым сыном, позволял Ивану III действовать в его отношении значительно более

[1] Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 289.

решительно.

Заключенный договор в 1486 г. не снял напряженности в отношениях между великим князем московским Иваном III и удельным князем углическим Андреем Большим. В такой обстановке в 1487 г. в удельном княжестве возник слух о намерении великого князя московского арестовать князя Андрея Большого. Князь Андрей, который в то время был в Москве, опасаясь ареста, стал готовиться к побегу. Великий князь московский узнал об этом слухе и всячески пытался уверить брата в том, что подобной мысли у него не было. По требованию Ивана III началось следствие по поводу этого слуха[1]. Несомненно, что князь Андрей Большой имел основания верить слуху и принимать его вполне серьезно. История отношений великих князей московских со своими удельными братьями знала случаи ареста и заточения последних, а отношения между Иваном III и углическим удельным князем были весьма напряженными. Однако дело состояло в том, что в тот момент великий князь не имел еще намерения арестовывать углического князя.

Лишь через четыре года, 5 сентября 1491 г., Иван III сложил с себя «крестное целованье» брату Андрею Большому и арестовал его[2]. В летописи содержится подробное обоснование причин примененной великим князем репрессии, а, по существу, это было развернутое обвинение удельных князей. Так, в перечне преступлений удельного князя против Ивана III на первом месте стояла измена. Князь Андрей, как подчеркивалось в летописи, в измене были замешаны все братья – удельные князья. Причем в этот перечень попал даже князь Юрий, умерший еще в 1472 г., за девятнадцать лет до ареста Андрея Большого[3]. Несомненно, что покойник, князь Юрий, попал в данный перечень по ошибке. Но сама по себе ошибка была не случайна. Она отражала то, что под подозрением великокняжеской власти были как отдельные удельные

[1] Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. 2. Т. 6. С. 227.
[2] Там же. С. 227 – 229.
[3] ПСРЛ. Т. 5. С. 308.

князья, так и все князья как представители удельной системы в целом. Еще одним обвинением против Андрея Большого было то, что он пытался создать союз между удельными княжествами. И, наконец, самое серьезное обвинение состояло в переговорах с Литвой и Ордой, с целью создания коалиции против московского великого князя. В данном случае действия против великого князя московского приравнивались к действиям против Русской земли в целом. Однако выдвинутое обвинение было не совсем корректным, т.к. князья Андрей Большой и Борис оказали помощь Ивану III во время стояния на Угре.

Несмотря на объективные доводы в защиту князя Андрея Большого Иван III велел посадить его под арест. Кроме этого он велел также арестовать его сыновей, князей Ивана Андреевича и Дмитрия Андреевича. В итоге, князь Андрей Большой 6 ноября 1493 г. умер в тюрьме. Таким образом, возможность ареста удельных князей прочно вошла в практику проведения великокняжеской политики в отношении уделов. Характерно, что похоронен князь Андрей Большой был в Архангельском соборе, который становился великокняжеской усыпальницей, несмотря на то, что великий князь считал его своим врагом. Вскоре, в мае 1494 г., в Волоцком уделе умер князь Борис Васильевич. Как и его брат, он был погребен в Москве, в Архангельском соборе[1].

Такое новое положение Ивана III в русских землях отразила и церемония провозглашения в качестве наследника сына умершего в 1490 г. князя Ивана Ивановича, князя Дмитрия Ивановича. Провозглашая молодого князья Дмитрия наследником, его дед Ивана III, выступал не просто великим князем, но, уже по византийскому образцу, «самодержцем»[2]. Удельно-вотчинная система начинала принимать черты самодержавной монархии. Вместе с тем полностью отказаться от удельно-вотчинных традиций Иван III не мог. Так, после присоединения великого

[1] Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. 2. Т. 6. С. 252.
[2] Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. 2. Т. 6. С. 254 – 257.

княжества Тверского великий князь московский отдал его своему сыну великому князю Ивану Ивановичу, и Тверское княжество стало московским уделом. Также были переданы в качестве удельных княжеств Стародубское и Новгород-Северское княжества. Их получили соответственно князья Семен Иванович и Василий Иванович.

Таким образом, за годы княжения в Москве Ивана III позиции удельных князей еще более ослабли, а власть над ними великого князя московского возросла еще более по сравнению со временем княжения Василия Темного. Великий князь московский поступал нередко, совершенно не считаясь с удельно-княжескими традициями. Он не выделил ничего своим удельным братьям при ликвидации выморочного Дмитровского княжества князя Юрия Васильевича, никаких земель им не дал после присоединения Великого Новгорода.

Как и его отец, Василий II Темный, он не останавливался перед репрессиями против отдельных удельных князей и ближайших их родственников. О возможности таких репрессий они хорошо знали и готовы были бежать, как и ранее, в Литву. В свою очередь, удельно-княжеская оппозиция в лице князей Андрея Большого стремилась в борьбе со старейшим братом опереться на помощь Литвы короля Казимира и даже Орды хана Ахмата. Вместе с тем, Ивану III приходилось считаться со своей матерью, и до ее смерти никого из ее сыновей, своих удельных братьев, он не арестовывал. Углического князя Андрея Большого он арестовал лишь после ее смерти.

Полностью разорвать с удельно-княжеской традицией Иван III не мог. Любимому сыну, князю Ивану Ивановичу, он в качестве удела выделил в 1486 г. территорию только что присоединенного великого княжества Тверского. Им были пожалованы в качестве уделов Новгород-Северское и Стародубское княжества князьям Василию Ивановичу и Семену Ивановичу. Предусматривал Иван III также передачу удельных княжеств своим сыновьям, что нашло отражение в его духовной грамоте.

2.3. Удельные княжества и политика укрепления государства при Василии III

Активная и решительная борьба Ивана III с удельными князьями не завершилась ликвидацией удельно-вотчинной системы. От традиции, связанной с наделением великокняжеских сыновей уделами, этот великий князь московский не отказывался и не мог отказаться. Вместе с тем наделение уделами своих сыновей им было подчинено задачам дальнейшего упрочения московской великокняжеской власти. Из анализа сложившейся при Василии III удельной системы, вытекают несколько характерных ее признаков.

Во-первых, традиционные удельные центры великого княжества Московского сохранили в первой трети XVI в. свое значение, несмотря на присоединение их непосредственно к великому княжеству при Иване III и на репрессии. Как и при прежних великих князьях московских, Дмитров стал центром удельного княжения второго сына великого князя, Юрия Ивановича, а Углич – третьего сына, Дмитрия Ивановича. В качестве удельных центров оставались города Калуга и Бежецкий верх, которые были получены четвертым сыном Ивана III, князем Семеном. Также удельным городом оставалась Верея, которая стала уделом пятого его сына, князя Андрея Ивановича.

Во-вторых, к территориям, относившимся к уделам московского княжеского дома, вошла некоторая часть присоединенного в 1486 г. великого княжества Тверского. И если столицу прежнего великого княжества Тверского, Тверь, получал великий князь московский Василий Иванович, то другие центры передавались его братьям. Так, Юрий Иванович получал Кашин, Дмитрий Иванович – Зубцов, а Андрей

Иванович – Старицу, с которой в дальнейшем оказались связаны существенные страницы истории последних московских уделов. Следовательно, города Тверской земли были втянуты в систему удельных княжений великого княжества Московского достаточно прочно.

В-третьих, в число уделов великого княжества Московского вошли территории Стародубского и Новгород-Северского княжеств, присоединившиеся к московским землям в связи с отъездом из Литвы по религиозным причинам на службу к великому князю московскому князей Семена Ивановича и Василия Ивановича.

В-четвертых, удельная система была сформирована в духовной грамоте Ивана III таким образом, что удельные князья были поставлены в полную зависимость от великого князя с помощью самого распределения уделов. Так, в частности, с получением князем Юрием Ивановичем Серпейска и Брянска, этот князь становился перед необходимостью вместе с великокняжескими силами участвовать в войне против и литовского короля, и крымского хана. В таком же положении оказывался князь Дмитрий Иванович, который получал земли за Угрой, и город Мезецк, которые также находились на литовском и крымском направлении. Верейско-старицкий удельный князь Андрей Иванович также получал земли по Угре. Город Козельск, лежавший южнее Угры, на реке Жиздре, был дан князю Семену Ивановичу в дополнение к его калужскому уделу. В результате борьба с литовскими и крымскими силами становилась актуальной и для этого удельного князя.

В-пятых, особенностью удельной системы, сформированной по духовной грамоте Ивана III, являлось отсутствие раздела самой Москвы между великим князем и его удельными братьями. Москва целиком и полностью становилась частью великокняжеского удела, что в значительной степени способствовало дальнейшему усилению его позиций

в стране[1].

К выше перечисленному можно добавить и запрет на чеканку монеты в пределах удельных княжеств. Между тем, чеканка монеты была распространена в удельных княжествах на протяжении более раннего времени. Так, известны монеты серпуховско-боровского князя Василия Ярославича и целого ряда других удельных князей. Несомненно, что запрет подобной чеканки составил важную предпосылку для дальнейшего объединения русских земель вокруг Москвы. С этим запретом есть основание связывать также предварительное условие монетной реформы, проведенной в 1535 г. правительством Елены Васильевны Глинской. К центрам чеканки монеты накануне реформы Елены Глинской, помимо Москвы, Новгорода и Пскова, относились также Смоленск, Кострома, Вологда и Ярославль[2]. Очевидно, что запрет на чеканку монеты удельными князьями способствовал ослаблению их политического положения перед лицом московской великокняжеской власти, стремившейся сосредоточить столь важное дело исключительно в своих руках и сделать тем самым шаг по пути объединения страны.

По вопросу о политике Василия III в отношении удельных княжеств и удельных князей единая точка зрения в историографии не прослеживается. Так, в фундаментальном труде А.А. Зимина можно найти некоторые суждения, которые в определенной степени противоречили друг другу. С одной стороны, историк указывал на наличие таких тенденций, которые определяли негативное отношение великого князя московского к удельным братьям. С другой стороны, он отмечал значимость уделов и удельной традиции в годы его княжения. По его словам, «власть в стране великий князь фактически делил с удельными и служилыми княжатами, Боярской думой как органом власти феодальной аристократии и церковью

[1] Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 63 – 65.
[2] Спасский И.Г. Деньги // Очерки русской культуры. М., 1977. С. 230 – 231.

как органом власти духовенства»[1]. Таким образом, А.А. Зимин, рассматривал удельных князей как важный элемент в системе управления Московского государства при Василии III. По существу, в данном случае заметна связь между указанием историка на политическую значимость удельных князей при Василии III и обоснованием им причин введения опричнины Ивана Грозного в более раннем исследовании, посвященном истории опричнины. Так, целью опричнины он видел «решительное наступление на крупнейшее удельное княжество, оставшееся к тому времени на Руси» – на Старицкое княжество[2]. Между обоснованием А.А. Зиминым причин введения опричнины и оценкой им места удельных князей в системе управления Московским государством при Василии III имеется очевидная связь. Заключается она в том, что сила удельных князей, проявлявшаяся в годы княжения его отца, заставляла Ивана Грозного принимать решительные меры против них, что и выразилось в опричной политике в отношении Старицкого удельного княжества и самого старицкого князя Владимира Андреевича.

Еще один вопрос, относящийся к политике Василия III по отношению к удельным княжествам и к удельным князьям, заключается в том, в какой степени она соответствовала политике, проводившейся при Иване III. При Василии III количество уделов сократилось, и к концу его княжения оставались лишь уделы, принадлежавшие его братьям – князю Юрию (Дмитров) и князю Андрею (Старица), а также Касимовское ханство[3]. В данной ситуации политика Василия III в отношении уделов являлась преемственной по отношению к политике при Иване III. Решения Василия III были направлены против сыновей углицкого удельного князя Андрея Большого, арестованного и погибшего в тюрьме еще при Иване III, а также князьям Ивану Андреевичу и Дмитрию Андреевичу. При Василии III они

[1] Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 397.
[2] Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 157.
[3] Скрынников Р.Г. История Российская. IX – XVII вв. М., 1997. С. 234.

продолжали находиться под арестом. Князь Иван умер монахом, а князь Дмитрий до конца своей жизни в 1540 г. содержался под арестом при смягченном режиме содержания под стражей. Вместе с тем и в отношении к скончавшимся сыновьям князя Андрея Большого проявилось определенное отличие по сравнению с тем, как отнесся Иван III к скончавшемуся брату. И если князь Андрей Большой был погребен в княжеской усыпальнице в Москве, в Архангельском соборе, то тела его сыновей не были доставлены в Москву. Сыновья князя Андрея Большого не были освобождены не случайно. В условиях сложных отношений с удельными братьями великий князь не хотел осложнять положение освобождением князей, способных предъявить права на какие-то уделы[1].

Однако уже в начале княжения Василия III проявилась такая особенность его политики в отношении уделов, как использование удельной системы в более общих интересах собственной внутренней политики в русских землях. Нашло это проявление при решении сложного вопроса о выборе лица, которому можно было бы доверить передачу московского великокняжеского стола. Совершенно очевидно, что удельным братьям, дмитровскому князю Юрию и углическому князю Дмитрию, он доверять не мог. Ближе к нему был удельный верейский и старицкий князь Андрей, однако и этого своего брата он не считал возможным включить в свои планы на будущее. Таким лицом неожиданно оказался казанский царевич Кудайкул, который при крещении в конце 1505 г. получил имя Петр. После крещения он принял присягу на верность великому князю московскому. Принимая этого князя в свои расчеты, Василий III сделал его мужем своей сестры Евдокии Ивановны и, включая его в великокняжеский московский дом, выделил ему удел. Таким уделом стал город Клин и несколько сел[2]. Право князя Петра на этот удел было, однако, не столь уж долгим. Уже в 1507 г. Клин вновь перешел великому

[1] Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. 2. Т. 8. С. 37.
[2] ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. С. 468.

князю московскому. В этой связи возникает вопрос, что послужило причиной такого своеобразного политического опыта Василия III с созданием удела для крещеного татарского князя. Тем более, такая кратковременность слишком резко отличается от создания удела для татарского царевича Касима его дедом, Василием Темным, который к тому же не был крещен. Во всяком случае, история Касимовского удела, или Касимовского ханства насчитывает столетия и продолжалась с середины XV в. вплоть до 1681 г., когда это ханство не только фактически, но и формально перестало существовать. Возможно, это объяснялось кратковременной войной с Казанским ханством 1506 г., которая окончилась неудачей. Русские войска, во главе которых стоял брат великого князя, углический удельный князь Дмитрий Иванович, и волоцкий удельный князь Федор Борисович потерпели тяжелое поражение. Тем не менее, Василий III сохранил доверие к князю Петру. Поэтому во время поездки Василия III в Новгород в сентябре 1509 г. он был при великом князе вместе с верейско-старицким удельным князем Андреем Ивановичем. Вместе с князем Андреем Ивановичем и с князем Петром Василий III предпринял не только мирную поездку в Новгород, но и в 1510 г., Василий III вместе с этими князьями участвовал в походе на Псков, в результате которого Псковская земля была присоединена к Московскому государству[1].

Впрочем, передача князю Петру в качестве удела города Клин не превратилась в прецедент, и не вошла в практику отношений великокняжеской власти с окружающей ее знатью. Так, бежавший из великого княжества Литовского к Василию III князь Михаил Львович Глинский участвовал в войнах против Литвы, в том числе в борьбе за Смоленск в 1514 г., но после взятия города Василий III не передал этот город ему, который обещал за службу. И князь М.Л. Глинский сделал попытку, бежать к королю Сигизмунду I, в результате чего был схвачен и

[1] ПСРЛ. М., 2000. Т. 8. С. 251.

был освобожден только в 1527 г., после заключения Василием III брака с его племянницей Еленой Васильевной Глинской[1].

Вопрос о передачи в удел Смоленска князю Михаилу Львовичу Глинскому не мог быть решен положительно. Это противоречило главенствующей тенденции в политике Василия III, направленной на объединение русских земель. И, кроме того, Смоленск как важнейший город на Литовской границе играл большую роль в московско-литовском противостоянии. Он и по этой причине не мог быть передан князю с литовскими корнями.

В контексте политики в отношении уделов и удельных князей имело большое значение создание новой усыпальницы для князей московского княжеского дома, как великих, так и удельных. С этой целью был возведен Архангельский собор, в который великий князь приказал перенести мощи всех великих князей. Однако перезахоронению в Архангельском соборе подлежали не только великие князья московские, но и удельные. При захоронении соблюдалась строгая иерархия. Этому перезахоронению придавалось большое значение. Не случайно в церемонии участвовали великий князь московский Василий III и митрополит Симон. В единой усыпальнице оказались великие и удельные князья, а среди удельных князей в соборе оказались погребены и те, кто участвовал в борьбе с великими князьями или пострадали от великокняжеских репрессий. Среди удельных князей московского дома оказался похоронен и царевич Петр, получивший на короткое время, в 1506 – 1507 гг., город Клин на правах удельного княжества. Создание усыпальницы в Архангельском соборе в своеобразном виде отражало объединительную политику московской великокняжеской власти. Объединению русских земель соответствовало объединение ушедших в мир иной князей московского дома.

Проводя параллель с правлением Ивана III, следует отметить, что при

[1] Герберштейн С. Записки о Московии: В 2-х т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М., 2008. Т. 1. С. 469, 471.

Василии III также завершалось существование удельных княжеств со смертью его братьев. В 1518 г. умер князь Семен Иванович. Его торжественно похоронили в Архангельском соборе, в присутствии великого князя, и с его смертью был ликвидирован удел, в который входили Калуга и Козельск. После смерти в 1521 г. князя Дмитрия Ивановича это произошло с Углическим княжеством. Здесь следует обратить внимание, что церемония погребения Дмитрия Ивановича, была особенно торжественной по сравнению с захоронением его брата Семена Ивановича. Так, тело умершего князя Дмитрия Ивановича по распоряжению великого князя московского было доставлено в Москву и похоронено радом с отцом Иваном III.

Между тем, сохранялись два южных удела, существовавших с 1503 г. Стародубское удельное княжество князя Семена Ивановича и Новгород-Северское удельное княжество князя Василия Ивановича Шемячича. Оба князя имели родственную связь с князьями, противостоявшими великим князям московским. Двоюродным братом князя Семена Ивановича был сын верейско-белозерского князя Михаила Андреевича Василий, который вместе с женой, сестрой Софьи Палеолог Марией, вынужден был бежать в 1483 г. в Литву от опасности ареста по указанию Ивана III. Князь Василий Иванович был внуком Дмитрия Юрьевича Шемяки, главного противника Василия Темного в ходе феодальной войны второй четверти XV в. Оба князя служили Ивану III, а затем Василию III и участвовали в военных действиях против литовских сил. Со смертью князя Семена Ивановича в 1508 г. Стародубское удельное княжество перешло к его сыну, князю Василию[1].

Даже верная служба и участие в войнах с Литвой не могли снять с князя Василия Шемячича подозрения в стремлении его бежать в Литву. Подозрительность Василия III по отношению к новгород-северскому князю использовали в своих интересах его стародубские соседи, князь

[1] Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. 2. Т. 7. С. 75.

Семен Иванович, а затем его сын Василий Семенович. В 1511 г. великий князь не поверил этим обвинениям и издал грамоту, в которой снимались все обвинения. Великий князь приглашал его в Москву, и обещал безопасный его проезд и пребывание в столице. Снятие обвинений с Василия Шемячича сказалось для позиций великого княжества Московского на литовском и крымском рубежах весьма позитивно.

Однако постепенно положение князя Василия Шемячича становилась все более неустойчивой. Причиной этого стало развивавшийся при Василии III «объединительный процесс»[1], причем смерть в 1518 г. противника новгород-северского князя, стародубского князя Василия Семеновича, ускорила падение самого Василия Шемячича. Ликвидация Стародубского удельного княжества оставляла Новгород-Северское княжество в роли последнего удела, который великокняжеская власть стремилась присоединить к землям великого князя Еще одной причиной ослабления позиций князя Василия Шемячича стало обострение отношений с Крымом. Это случилось после того, как в 1521 г. хан Мухаммед Гирей разгромил Подмосковье, а Василий III бежал из столицы. Большой по территории Новгород-Северский удел, южная часть которого находилась в непосредственной близости от северной части Крымского ханства, как казалось в Москве, облегчал крымские нападения не только на южную окраину великого княжества Московского, но и проникновение их на подмосковные земли. В Москве, кроме того, сделали вывод о непосредственной вине князя Василия Шемячича за то, что хан Мухаммед Гирей прошел через территорию его удельного княжества[2]. В таких условиях великий князь московский посчитал необходимым ликвидировать Новгород-Северское удельное княжество и самого князя Василия Шемячича. Великий князь решил вызвать князя Василия Шемячича в Москву. При этом новгород-северский князь получал

[1] Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 209.
[2] Герберштейн С. Записки о Московии. В 2-х т. М., 2008. Т. 2. С. 415.

охранную грамоту от митрополита Даниила. По этой грамоте обеспечивалась его безопасность. Прибыв в Москву, князь Василий Иванович был в мае 1523 г. арестован[1]. Такое вероломство вызвало возмущение среди некоторой части духовенства. По сообщению князя А. М. Курбского, за князя Василия Ивановича будто бы пытался заступиться игумен Троицкого монастыря Порфирий[2]. Но выручить князя ему не удалось, и он вынужден был оставить игуменство.

Согласно Н.М. Карамзину, князь Василий Иванович Шемячич умер в 1526 г. в тюрьме[3].

Князь А.М. Курбский писал об уничтожении Василием III князя Василия Ивановича Шемячича с огромным возмущением. Князь Курбский обращал внимание на то, что высокое происхождение князя Василия Шемячича и кровное родство с великим князем московским не остановило Василия III перед расправой. Другой причиной возмущения князя Курбского было то, что новгород-северский князь был репрессирован, несмотря на все свои боевые заслуги. Князь Курбский выделил две причины такого отношения Василия III к князю Василию[4].

Таким образом, в политике московской великокняжеской власти по отношению к удельным княжествам и к удельным князьям при Василии III имели место те же общие тенденции, которые проявлялись в период княжения в Москве его отца. В этой политике прослеживалось стремление к целенаправленной ликвидации удельных княжеств, к включению их территорий в состав великокняжеского домена. С другой стороны, эту политику есть основания определять как достаточно гибкую, учитывавшую конкретные условия времени и конкретные потребности в развитии объединительного процесса, который составлял определяющую цель московской великокняжеской власти как до Василия III, так и в

[1] Зимин А.А. Россия на пороге нового времени… С.283
[2] Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1991. С. 418.
[3] Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. 2. Т. 7. С. 92.
[4] Курбский А.М. История о великом князе московском // Памятники литературы Древней Руси. 2-я половина XVI в.. М., 1986. С. 374.

период его княжения. При необходимости он мог наделять уделом лицо, на которое рассчитывал, как, например, в 1506 г. новокрещенного князя Петра. Он не спешил лишать братьев своих уделов. Даже князь Семен Иванович не был лишен своего удела, несмотря на попытку бегства в Литву. В то же время кончина братьев означала присоединение уделов к московским великокняжеским владениям. Его политика в отношении уделов была, таким образом, более гибкой, и даже более лояльной, чем при Иване III.

В русле такой политики были проведены меры великокняжеской власти, направленные на создание общей усыпальницы для великих и удельных князей московского дома. Политическому единству Московского государства должно было соответствовать единство его исторического прошлого, в котором находили своего места даже князья, репрессировавшиеся при Василии Темном и Иване III. Подобные меры московской великокняжеской власти нашли отражение при проведении княжеских перезахоронений в московском Архангельском соборе.

2.3. Уделы при Иване Грозном и Федоре Ивановиче и конец удельной системы в Московском государстве

Последний период существования старой династии московских государей, которая шла от первого из великих князей московских, Ивана Даниловича Калиты, явился одновременно и заключительным периодом существования удельных княжеств. Приходился он на время царствования Ивана Васильевича Грозного и его сына, царя Федора Ивановича. В этот период удельных княжеств по сравнению со временем вступления на московский великокняжеский стол Василия III оставалось немного. Видимое сокращение количества уделов объяснялось, во-первых, генеалогическими причинами. Так, за двадцатилетний период брака

Василия III, с 1505 по 1525 гг., с Соломонией Сабуровой в великокняжеской семье не было детей. Во втором браке с Еленой Глинской великий князь имел двух сыновей, Ивана, ставшего великим князем московским, а с 1547 г. – царем, и Юрия. Что касается братьев Василия III, то в живых из них остались на время его кончины в 1533 г. удельные князья – дмитровский Юрий и старицкий Андрей. Во-вторых, сказались последствия политики Василия III в отношении уделов, в соответствии с которой после смерти удельного князя его удел присоединялся к великокняжескому домену. В-третьих, сказались также последствия политики в отношении двух крупных южных уделов, которые образовались в конце княжения в Москве Ивана III при отъезде из Литвы под власть великого князя московского князей Семена Ивановича и Василия Ивановича Шемячича. Им были переданы в качестве уделов их княжения в Стародубе и Новгороде Северском, которые были ликвидированы Василием III после смерти стародубского князя Василия Семеновича в 1518 г. и ареста в 1523 г новгород-северского князя Василия Шемячича. Следовательно, если к началу княжения Василия III система удельных княжеств в великом княжестве Московском была весьма развитой, то к концу его княжения и ко времени вступления на престол его сына от нее оставались отдельные фрагменты.

Тем не менее, при несомненном свертывании удельной системы возникает вопрос о значении удельной традиции во внутренней политике при двух последних государях старой династии. В частности, при наличии последовательной политики, направленной на ликвидацию уделов, царская власть несколько раз возрождала эти архаичные политические образования. Среди этих уделов, возникавших в XVI в., наибольшее внимание привлекало самое известное мероприятие Ивана Грозного, существовавшая в 1565 – 1572 гг. опричнина.

Отношение к этому своеобразному уделу, созданному царем, в историографии, было неоднозначным. Так, с точки зрения Н.М. Карамзина

и В.О. Ключевского, опричнина не имела никакого государственного и общественного смысла, отражала страхи царя и была направлена прежде всего на обеспечение его безопасности. Большинство историков видело в опричнине государственный смысл и наличие в ней комплекса мероприятий, направленных на укрепление государственной власти, на преодоление остатков удельной старины вроде Старицкого княжества, Новгорода и на сосредоточение в руках государства земельного фонда для укрепления поместного войска.

Смерть Василия III произошла 3 декабря 1533 г. Вскоре после этого последовала ликвидация Дмитровского удела. Она была ускорена выступлением брата Василия III, дмитровского удельного князя Юрия Ивановича, который выступил против сосредоточения власти после смерти великого князя московского в руках регентского совета при малолетнем Иване IV. В этот совет вошел дядя его матери Елены Васильевны Глинской, князь Михаил Львович Глинский, а также сама Елена Васильевна Глинская и князь Дмитрий Федорович Бельский. Возможно, что основанием для выступления послужил договор князя Юрия с Василием III 1531 г., согласно которому дмитровский удельный князь обязывался соблюдать верность не только самому великому князю московскому, но и его сыну Ивану Васильевичу. Очень скоро стало ясно, что сил для борьбы за власть у князя Юрия недостаточно. Когда он понял это и попытался вернуться в свой удел, он был арестован[1]. Выступление князя Юрия Ивановича представляло собой «мятеж»[2].

Но если выступление дмитровского удельного князя Юрия продолжалось всего несколько дней, то действия младшего его брата, старицкого князя Андрея, носило более серьезный характер. После гибели князя Юрия он становился претендентом на московский великокняжеский

[1] Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3. С.52 – 75.

[2] Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30 – 50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 28 - 29.

стол и тем самым представлял опасность для регентши. Между правительством Елены Глинской и старицким князем отношения были напряженными. Этой напряженности не препятствовало наличие крестоцеловальных записей старицкого князя малолетнему Ивану IV и его матери. Первая из них относилась ко времени вступления Ивана Васильевича на московский великокняжеский стол, а вторая, датируется августом 1536 г., поскольку в ней как живой был упомянут находившийся под арестом брат князя Андрея, умерший 3 августа 1536 г. дмитровский удельный князь Юрий. Эскалации конфликт достиг в конце 1536 – начале 1537 гг., когда князь Андрей отказался участвовать в военных действиях против Казанского ханства. В таких условиях сложился план устранения ставшего опасным старицкого князя, его решено было вызвать в Москву и арестовать[1].

Осознав опасность своего положения, князь Андрей Иванович бежал из Старицы в Новгород, надеясь получить там помощь. Однако сил для противостояния московской власти оказалось у него недостаточно. Князь Андрей в таких условиях сдался правительственным силам во главе с князем И.Ф. Овчиной Телепневым-Оболенским и был доставлен в Москву, где его арестовали. Умер князь Андрей Иванович 10 декабря 1537 г., находясь в заточении. Власть расправилась с теми, кто поддержал старицкого князя. Служилые люди Старицкого княжества были наказаны несколько меньше. Им была назначена «торговая казнь»[2].

Вместе с арестом князя Андрея Ивановича было ликвидировано Старицкое удельное княжество. Однако довольно скоро, в декабре 1541 г., оно было восстановлено, а новым удельным князем в Старице стал сын князя Андрея, Владимир Андреевич[3]. Несомненно, подавление выступления старицкого удельного князя явилось новым шагом по пути к

[1] Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30 – 50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 30 –32.
[2] Там же. С. 47.
[3] Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 157.

утверждению самодержавия. Также оно вело к утверждению тирании как главного метода преодоления сопротивления удельных князей и их сторонников.

Вместе с тем, получив Старицкий удел погибшего в тюрьме отца, князь Владимир Андреевич был не вполне самостоятелен в распоряжении уделом. Московская власть окружила старицкого князя своими людьми. Князю Владимиру пришлось выделить вотчину в пределах Старицкого удела в 1544 г. А.А. Карачеву, по прямому указанию великокняжеской власти. Такое положение дел обеспечивало великокняжескую власть возможностью надзора за удельным князем. Таким образом, Москва опасалась старицкого удельного князя[1].

Князь Владимир активно участвовал во взятии Казани в 1552 г. и упоминался в летописи при освещении этих событий рядом с царем. За участие в этой войне Иван IV щедро наградил старицкого удельного князя. Но, как показали события 1553 г., никакие награды не устранили угрозу захвата власти со стороны удельных князей. Во время болезни Ивана Грозного князь Владимир Андреевич и его мать, княгиня Ефросиния, пытались воспользоваться этим и обеспечить передачу московского стола старицкому удельному князю. Они отказывались присягать младенцу, сыну царя Ивана Грозного, царевичу Дмитрию, вызвали в Москву войска и раздавали им жалованье[2]. Впрочем, возможность для вступления на престол оказалась для князя Владимира кратковременной. Она исчезла с выздоровлением царя. Сам старицкий князь не проявил качеств, необходимых в борьбе за власть. Тем не менее, Старицкое княжество рассматривалось московской властью в качестве оппозиционного удельного центра, который при определенных условиях мог представить опасность для нее. Поэтому в период опричнины князь Владимир потерял Старицкое удельное княжество. Оно было взято в 1566 – 1569 гг. в

[1] Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 165.
[2] Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 48 – 50.

опричнину, а, следовательно, Старица была обменена на Дмитров, Алексин – на Боровск, Верея с подмосковными селами на Звенигород. Так перестал существовать Старицкий удел[1].

Что касается опричнины, то черты, отличавшие опричнину от традиционных уделов это ее необычные для уделов размеры, функции, последствия ее введения для государства и связанные с ней репрессии, поразившие русских современников. Между тем, прямая связь опричнины с таким представлением в полной мере существовала. В этой связи обращает на себя внимание характеристика взгляда на опричнину самого ее создателя, царя Ивана Грозного. Царь Иван IV смотрел на учрежденную им опричнину, как на свое частное владение, т.е. особый двор или удел, который он выделил из состава государства, при этом выставляя себя особым, опричным князем московским[2]. Согласно В.О. Ключевскому, опричнина учреждалась для того, чтобы «истребить крамолу, гнездившуюся в Русской земле, преимущественно в боярской среде»[3]. Вместе с тем в опричнине содержалось очевидное противоречие между интересами укрепления государства и архаичной формой, избранной царем, предполагавшей не соединение земель, составлявших государство, а их разъединение и выделение нового удела. Между тем, в избрании царем этой формы содержится понимание им сущности удельной системы, которая позволяла ему получать в пределах удела власть еще более значительную, чем даже ту, что он имел как великий князь московский и русский царь.

Такое сочетание несло в себе опасность для всех слоев русского общества. В системе, порожденной опричниной, царская власть, которой обладал Иван Грозный, сочеталась с безграничным правом распоряжения проживавшими в пределах удела людьми, которыми по традиции обладал удельный князь. Удельно-вотчинная система уходила в прошлое. Однако

[1] Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 166 – 167.
[2] Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 2002. С.178.
[3] Там же.

оставила она после себя такое исключительно тяжелое последствие.

Система, созданная Иваном Грозным, представляла собой социальной структуры удельного княжества. Верхушку составлял удельный князь с воинами и чиновниками, которую обслуживало мастеровое население, проживавшее в удельном центре. В этой структуре, представленной Иваном Грозным, не хватало крестьянского населения, но наличие его в уделе подразумевалось само собой. Удельно-вотчинная традиция давала удельному князю полное право в отношении жителей удела. Этим правом Иван Грозный пользовался в полной мере. Удельные порядки, таким образом, обеспечивали царю неограниченную власть над населением, давали возможность осуществлять переселение любых своих подданных по собственному усмотрению и произволу. Еще одной особенностью этого удела, свидетельствовавшей о подчинении им остальной территории государства, являлась контрибуция, наложенная Иваном Грозным на не относившуюся к опричнине земщину[1].

Такая неограниченная власть над населением создавала у создателя опричнины иллюзию возможности решения задачи, которую он ставил перед собой – выявление «изменников» и самовольное наказание их. Создание Иваном Грозным в 1575 – 1576 гг. подобного удела позволяло ему проводить исключительную политику и судопроизводство не обращая внимание ни на Земский собор, ни на решения боярской думы, ни на решения «освященного собора». Таким образом, он добился большей степени независимости самодержавной власти от господствующего класса феодалов. Однако то упорство, с которым царь внедрял опричные удельные порядки, привело к перенапряжению сил страны, и к страшному хозяйственному разорению, и обострению классовых противоречий[2].

Еще один удел возник уже после смерти Ивана Грозного. В своем завещании царь передал своему младшему сыну, царевичу Дмитрию

[1] Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С 52.
[2] Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 2002. С. 178 – 179.

Ивановичу Углич со всем уездом и доходами. Однако над уделом царевича была установлена боярская опека[1]. С назначением в Углич дьяка М. Битяговского надзор за уделом еще более усилился, что вызывало раздражение со стороны матери царевича Марии Нагой и ее брата Михаила. Однако, после гибели царевича 15 мая 1591 г. и народного восстания в Угличе удел сохранился, и был ликвидирован лишь после вступления на престол Бориса Годунова. Такая отсрочка в ликвидации удела была связана с тем, что власть в уделе опекунов царевича Дмитрия была крайне ограниченной. Она имела сходство с полномочиями в отношении своего удела в Старице князя Владимира Андреевича, что не характерно в целом для удельно-вотчинной системы. Такое ограничение власти последних удельных князей, шло в русле тенденций к ограничению власти удельных князей в своих уделах, достаточно четко проявлявшихся еще при Василии III, а отчасти при Иване III.

В целом за время царствования Ивана Грозного и Федора Ивановича архаичность удельной системы и симптомы ее отмирания проявились достаточно четко. Связано это было, во-первых, с падением политического значения уделов и их князей. Во-вторых, удел оказывался в большей степени не столько реальной политической значимостью, сколько своего рода символом опоры на старину и на традицию, выражением чего стали очень необычные уделы. К ним относились опричнина 1565 – 1572 гг., удел 1575 – 1576 гг. (великое княжество Тверское), отданный Симеону Бекбулатовичу. Эти уделы были созданы, а впоследствии упразднены по воле царя, который своими действиями хотел показать отсутствие реальной политической необходимости, в политических образованиях такого рода.

Однако именно в этот период стали активно проявляться многие тенденции характерные для вотчино-удельного государства. Во-первых, этот период отметился беспощадной расправой московской

[1] Скрынников Р.Г. История Российская. IX – XVII вв. М., 1997. С. 48.

великокняжеской власти со своими удельными ближайшими родственниками и политическими противниками, в частности, погиб старицкий удельный князь Владимир Андреевич. Во-вторых, стали четко проявляться стремления отдельных удельных князей опереться на силы и ресурсы своего удела в борьбе с великокняжеской властью, что было заметно в действиях удельных князей дмитровского Юрия и старицкого Андрея. И, в-третьих, удельная традиция, как полная власть удельного князя в своем уделе над всеми проживавшими в его пределах людьми, была использована в своих политических целях Иваном Грозным при организации в 1565 г. опричнины.

Заключение

Период второй половины XV – XVI вв. был временем объединения русских земель вокруг Москвы и завершения процесса складывания Русского централизованного государства. Для внутренней жизни Московской Руси существование уделов и взаимоотношения между удельными князьями и великокняжеской властью являлось одной из характерных черт политического строя и политической системы с XIV в., когда сформировалась практика выделения уделов. Вместе с тем такое выделение соответствовало глубокой традиции культуры феодального общества, при которой в феодальной среде, прежде всего из числа владетельных особ, принято было наделять сыновей земельными владениями. На Руси подобная традиция прослеживалась еще в киевский период, когда для таких владений было принято название «волости». Понятие «волость» трансформировалось в «удел» и вновь возникло в Северо-Восточной Руси.

Удельная система, сложившаяся в Московской Руси, носила внутренне противоречивый характер. В ней выражалась сложная связь между семейными и формировавшимися государственными отношениями, принимавшими все большее значение по мере завершения процесса формирования единого Русского государства. Уделы выделялись великокняжеским сыновьям. Вместе с тем в системе уделов оказывались ранее выделенные уделы, которые находились в руках братьев великого князя московского, что дополнительно придавало ей внутреннюю сложность. Так, удельный князь одновременно объединял черты вотчинника и черты суверенного государя.

Формирование удельной системы великого княжества московского представляло собой длительный исторический процесс. Предпосылки его заключались, во-первых, в возникновении в Киевской Руси традиции наделения княжеских сыновей волостями. Во-вторых, в распаде внутренне

непрочной Киевской Руси и в превращении Владимиро-Суздальского княжества в один из политических центров, возникших на месте распавшейся страны.

Непрочность удельной системы, неспособность ее защитить великое княжество Московское от внутренних потрясений, от такого известного в европейском феодализме явления, как выступление вассала против сюзерена, наглядно проявилась в период феодальной войны при Василии II. При появлении в роли сильного удельного князя Юрия Дмитриевича княжество оказалось ввергнуто в длительную междоусобицу. Это была феодальная война, длившаяся более четверти века. В результате сложилась объективная необходимость перемен существующих в удельной системе великого княжества московского традиций.

Последний период существования уделов в великом княжестве Московском, начинается со времени после завершения феодальной войны в период княжения Василия Темного, и заканчивается гибелью царевича Дмитрия Ивановича, когда был ликвидирован выделенный ему Углицкий удел.

Развитие объединительного процесса с неизбежностью вело к постепенному сокращению числа уделов, к сокращению прав удельных князей в отношении своего удела и к постепенной ликвидации удельной системы в целом. Вместе с тем процесс исторического изживания уделов великого княжества Московского оказался не прост. Удельная система имела свои исключительно прочные культурно-исторические традиции. Это были традиции самой великокняжеской семьи и традиции в отношении великих и удельных князей как близких родственников. В этой связи политика великих князей московских, направленная на ликвидацию удельных княжеств, несла в себе некоторую противоречивость. Уничтожая одни уделы и проводя репрессии против их князей, московская великокняжеская власть создавала новые уделы, наделяя ими своих сыновей. Удельная система, таким образом, непрерывно

воспроизводилась. В то же время, возрождая эту систему, великие князья московские выделяли для старшего сына домениальные земли, несравненно более значительные, чем уделы для младших сыновей, обеспечивая тем самым решающее преимущество в случае борьбы становившегося великим князем старшего сына с братьями.

Также московская великокняжеская власть беспощадно расправлялась с теми из удельных князей, которые высказывали какие-то свои политические претензии или пытались повысить свой политический статус, превратившись из князя удельного в великого князя. Случаи гибели удельных князей в заточении имели место при всех великих князьях московских второй половины XV – XVI вв., от Василия Темного до Ивана Грозного, за исключением, последнего представителя династии, царя Федора Ивановича. Столь суровая расправа не препятствовала, тем не менее, тому, что после смерти в заточении бывшие удельные князья погребались в общей усыпальнице князей московского дома, в Архангельском соборе.

Уходившая в прошлое удельно-вотчинная система вместе с тем оказала свое воздействие на сменившую ее новую политическую систему единого Российского государства. Такие черты удельно-вотчинной системы, как всевластие и бесправие, оказались востребованы Иваном Грозным для упрочения собственной власти, для борьбы с ее действительными и мнимыми противниками. Бесправие населения удела по отношению к удельному князю потребовалось Ивану Грозному для того, чтобы изгнать с территории созданного им удела, опричнины, тех, на кого он не рассчитывал, и окружить себя людьми, которым он доверял. Принцип всевластия удельного князя, сложившийся в условиях удельно-вотчинной системы, не ушел в прошлое вместе с самими удельными княжествами. Он был полностью перенесен на московскую государственность времён Ивана Грозного.

Время существования последних уделов приходилось на царствования

Ивана Грозного и Федора Ивановича. Эти последние уделы весьма заметно отличались от уделов более раннего времени. Так, опричнина 1565 – 1572 гг. и удел 1575 – 1576 гг. по существу подавляли государство, явно отодвигая другую его часть, земщину, на второй план. Но уделы старицкого князя Владимира Андреевича, а затем великого князя тверского Симеона Бекбулатовича и углический удел царевича Дмитрия не находились в полной власти своих номинальных владетелей. Они в значительно большей степени зависели от царской власти. Такие отличия свидетельствовали о завершении истории существования удельной системы и ее дальнейшей исторической бесперспективности.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Герберштейн С. Записки о Московии: В 2-х т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – Т. 1. – 776 с., Т. 2. – 656 с.

2. Курбский А.М. История о великом князе московском // Памятники литературы Древней Руси. 2-я половина XVI в. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 218 – 399.

3. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. / Текст подготовили Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. – Л.: Наука, 1979. – 431 с.

4. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Лаврентьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 733 с.

5. ПСРЛ. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М., Языки русской культуры. 2000. – 692 с.

6. Штаден Г. Записки о Московии. В 2-х т. – М.: Древлехранилище, 2008. – Т. 1. – 582 с., Т.2. – 476 с.

Исследования по теме

7. Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. – Новосибирск: Наука, 1991. – 240 с.

8. Алексеев Ю.Г. Под знаменем Москвы. – М.: Мысль, 1992. – 268 с.

9. Альшиц Д.Н. Шаги истории России из прошлого в будущее. – СПб.: Наука, 2007. – 368 с.

10. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. – М.: Наука, 1988. – 245 с.

11. Блок М. Феодальное общество. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.

12. Борисов К.С. Иван III. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 644 с.

13. Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция

феодализма в России. Социально-экономические проблемы. – М.: Мысль, 1980. – 342 с.
14. Горский А.Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV – начале XVI века. – М.: Изд-во МГУ, 1974. – 215 с.
15. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т.2. – 470 с.
16. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.). Курс лекций. – М.: Аспект пресс, 1998. – 399 с.
17. Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. – Казань, 2004. – 392 с.
18. Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. – М.: Мысль, 1991. – 286 с.
19. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. – М.: Мысль, 1964. –. 535 с.
20. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). – М: Мысль, 1972. – 452 с.
21. Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. – М.: Наука, 1982. – 184 с.
22. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с.
23. Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М., 1989. – С. 11 – 67.
24. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. – Калуга, 1993.
25. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 3-х кн. – М.: АСТ, 2008 – Кн.1. – 672 с.
26. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви: – М.: Наука, 1991. – 686 с.
27. Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. – М.: Наука, 1970. – 412 с.

28. Каштанов С.М. Русская дипломатика: Учеб. пособие для вузов. – М.: Прогресс, 1988. – 231 с.
29. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения в 9-ми т. – М.: Госполитиздат, 1987. – Т.1. – 427 с., Т. 2. – 468 с.
30. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой Росси (XV – XVI вв.). – М., 1985. – 278 с.
31. Кобрин В.Б. Иван Грозный. – М.: Московский рабочий, 1989. – 175 с.
32. Кобрин В.Б., Юргапов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. – 1991. – № 4. – С. 54 – 64.
33. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – 440 с.
34. Корецкий В.И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // Вопросы истории. – 1967. – № 5. – С. 32 – 50.
35. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 2-х кн. – М.: Сварог, 1995. – Кн.1. – 768 с.,
36. Котляр Н.Ф. Даниил, князь Галицкий: документальное повествование. – СПб; Киев, 2008. – 320 с.
37. Кривошеев Ю.В. Гибель Андрея Боголюбского: Историческое расследование. – СПб., 2003. – 240 с.
38. Лубский А.В. Методы исторического исследования. – М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. – 351 с.
39. Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. – СПб.: Изд-во «Лань», 2002. – 480 с.
40. Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. – 196 с.
41. Мининкова Л.В. Из истории Московской Руси: Князь Василий Иванович Шемячич // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. – № 13 – 14. – СПб., 2002. – С. 7 – 14.
42. Мининкова Л.В. Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси. –

Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2007. – 520 с.

43. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. – М.: Наука, 1974. – 638 с.

44. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. – М., 1988. – С. 3 – 149.

45. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – М., 1993. – 136 с.

46. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). – М.: Соцэкгиз, 1937. – 499 с.

47. Полевой Н.А. История русского народа. – М.: Вече, 2008. – 544 с.

48. Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV – XV веков. – М.: Изд-во МГУ, 1959. – 236 с.

49. Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV – XVII вв. – М.: Высшая школа, 1969. – 224 с.

50. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. – СПб., 2003. – 736 с.

51. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. – М.: Мысль, 1978. – 189 с.

52. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. – М.: Наука, 1975. – 247 с.

53. Скрынников Р.Г. История Российская. IX – XVII вв. – М.: Весь мир, 1997. – 496 с.

54. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». – М.: Мысль, 1980. – 205 с.

55. Скрынников Р.Г. Россия после опричнины. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. – 223 с.

56. Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30 – 50-х годов XVI века. – М.; Л., Изд-во АН СССР, 1958. – 516 с.

57. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения в 18-ти кн. – М.: Мысль, 1988. – Кн.1 – 791 с., Кн.2 – 765 с., Кн. 3 – 783 с.

58. Татищев В.Н. История Российская. В 3-х т. – М., 2003. – Т. 2. – 732 с., Т. 3. – 863 с.

59. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 583 с.
60. Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. – Киев, 1992. – 367 с.
61. Толочко А.П. Дворцовые интриги на Руси. – СПб.; Алетейя, 2003. – 224 с.
62. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV – XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. – М.; Соцэкгиз, 1960. – 899 с.
63. Щербатов М.М. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – 642 с.
64. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. – М.: МИРОС, 1998. – 448 с.
65. Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. – 1997. – № 3. – С. 52 – 75.
66. Юшко А.А. Московская земля IX – XIV веков. – М.: Наука, 1991. – 522 с.
67. Янов А.Л. Россия: У истоков трагедии. 1462 – 1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 559 с.
68. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 527 с.

Урок по истории России «Опричнина Ивана Грозного».

Класс 10.

Актуальность темы: данная тема вызывает особый интерес не только у учёных, но и у школьников, в силу того, что тема вызывает желание определить: Иван Грозный – тиран, или выдающийся политический деятель? Особенно спорным является вопрос об опричнине.

Оборудование: таблица для подведения итогов, карточки с отрывками письменных источников.

Разделить класс на группы, каждой группе дать задание: найти оценку опричнине в русской и советской историографии. Подготовить точки зрения следующих историков: С.Ф. Платонова, С.М. Соловьева, Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского.

Репродуктивная группа: качественное выполнение заданий низкой степени трудности, формирование устойчивой самооценки.

Продуктивная группа: поддержания мотивации, формирование способов работы с разными источниками (познакомиться с разными точками зрения на феномен опричнины, формирование способов работы с различными источниками).

Творческая группа: формирование эффективных способов работы, поддержание учебной мотивации, выполнение творческих заданий повышенной степени сложности.

Каждая группа анализирует материалы исторического источника и литературы, формулирует и обосновывает свою точку зрения на заданный вопрос (может использовать текст документа).

Задачи урока:

образовательные: сформировать понятие «опричнина», подвести обучающихся к пониманию сущности опричнины Ивана Грозного, её целях, средствах осуществления и итогах;

развивающие: способствовать формированию у обучающихся умений анализировать историческую информацию;

выявлять причинно-следственные связи и навыков работы в группе.

воспитательные: возбудить интерес учащихся к прошлому;

сформировать активную жизненную позицию и твёрдые убеждения.

Проверка остаточных знаний **(3 мин.)**

1547 г. - венчание Ивана IV на царство;

1549 г. – созыв первого Земского собора;

1550 г. – новый Судебник;

1551 г. – Стоглавый собор;

1555 г. – отмена кормлений;
1560 г. – роспуск Избранной Рады.

Цели урока:
– систематизировать знания о внутренней политике Ивана Грозного;
– способствовать развитию умений выделять главную мысль в историографической литературе, убежденно отстаивать свою позицию, навыков публичного выступления;
– воспитывать чувство уважения к человеческому достоинству на примере материала урока, а также уважение к чужому мнению, решению.

Тип урока: урок-исследование.

Форма организации: работа в группах.

Организация урока:
Урок построен на дискуссии в группах над предложенными заранее заданиями с использованием исторических источников, дополнительной литературы: учебник История России с древнейших времен до наших дней. /Под ред. А.Н. Сахарова М., 2012; монографии историков Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, С.Ф. Платонова, Д.И. Иловайского, В.Б. Кобрина, Р.Г. Скрынникова.

Ход урока

I. Организационный момент. (1 мин) Сегодня на уроке мы познакомимся с политической системой, сложившейся в России в середине XVI века, именуемой «опричниной». Работая с учебником, выясним причины появления «опричнины» и ее итоги, заслушаем различные мнения историков по этому вопросу. Результатом нашего урока станет заполненная таблица.

II. Сущность опричнины в высказываниях историков.
(образец раздаточного материала)

Историк	Его мнение:

III. Актуализация темы. (4 мин.)
1. Назовите высшие органы власти при Иване Грозном.
(Ответ: Боярская Дума, Избранная Рада, Земский Собор, Церковный Собор).
2. Какую роль играл Земский Собор при Иване Грозном?
(Ответ: сословно-представительный орган).

3. Назовите другие нововведения при Иване IV.
(Ответ: реформы: губная, налоговая, военная, отмена системы кормлений, введение нового Судебника, ограничение перехода крестьян в Юрьев день).
4. Каковы были цели этих реформ?
(Ответ: Усилилось центральное управление страной).

IV. Знакомство с основными понятиями (рассказ учителя). Этап усвоения новых знаний. (5 мин.)

Учитель. Реформы Избранной рады, начатые царём в начале 1550-х гг. с так называемым неофициальным правительством «Избранной Радой», принесли свои положительные плоды для внутриполитической стабилизации. Однако в 1560 г. умерла первая, горячо любимая жена Ивана IV Анастасия Романовна. Именно с этого года царь начал менять систему своего правления. Он распустил Избранную раду, наложил опалу на её руководителей (Адашев – арестован и умер в тюрьме, Сильвестра сослали в Соловецкий монастырь, где вскоре он погиб; в 1563 г. умер митрополит Макарий, а в 1564 г., после ряда поражений в Ливонской войне бежал в Литву князь А. Курбский). В декабре 1564 г. царь неожиданно вместе с семьёй выехал из Москвы в Александровскую слободу. Оттуда царь прислал в столицу две грамоты – Боярской думе и жителям посада, в которых он обвинял бояр в измене и заявлял, что отрекается от престола. Посадским он при этом сообщал, что «гневу на них и опалы нет». Московский люд тут же потребовал, чтобы бояре уговорили царя вернуться. Иван IV согласился вернуться на условии учреждения опричнины. Опричь – «кроме». Суть новой политики состояла в разделении всего русского населения и всей Русской земли на две неравные части. Опричнину, взятую в особое царское управление, и земщину, которой должны были ведать бояре. В состав опричнины входили – часть Москвы, Вязьма, Можайск, Вологда, Кострома и др. города и земли. Обратите внимание на доску и запишите значение понятий «опричнина» и «земщина». Иван IV продолжал политику централизации власти, подавлял боярский сепаратизм, содействовал развитию городов.

Словарь: запись (3 мин.)
Опричнина – название удела царя Ивана IV в 1565 – 1572 гг. с особой территорией, войском и государственным аппаратом.
Земщина – основная часть территории Русского государства с центром в Москве, не включённая Иваном IV в опричнину. Управлялась земской боярской думой и приказами, имела свою казну и войско.
Сепаратизм – (от латин. separatus – отделенный). Стремление к отделению, обособлению от большинства с той или иной целью.

V. Работа с учебником. (5 мин.)
Новые даты:

1565 г. – введение опричнины;
1572 г. – окончание опричнины.

Учитель. В учебнике, в параграфе найти, зачитать и записать причины введения опричнины.

VI. Работа с первоисточниками. Вопрос: в чем сущность опричнины? (**7 мин.)**

Учитель. Давайте попробуем разобраться, как оценивали историки этот процесс в России, насколько их мнения расходятся между собой. Ребята по группам зачитывают мнение «своего» историка и стараются аргументировано доказать правильность этой точки зрения.

Точка зрения Д.И. Иловайского (см. Приложение 1.)
Точка зрения С.М. Соловьева (см. Приложение 2.)
Точка зрения С.Ф. Платонова (см. Приложение 3.)
Точка зрения В.Б. Кобрина (см. Приложение 4.)
Точка зрения Н.М. Карамзина (см. Приложение 5.)

Далее класс работает с текстом учебника и знакомится с точкой зрения А.Н. Сахарова, В.И. Буганова – авторов учебника (см. Приложение 6.)

VII. Составление таблицы. Примерно таблица может выглядеть так: *образец* (**3 мин**.)

Д.И.Иловайский	Уничтожение всякого сопротивление своей власти и создание власти неограниченной.
С.Ф. Платонов	Борьба аристократии с нарождающимся самодержавием.
С.М. Соловьев	Прогрессивная деятельность в утверждении государственных начал.
В.Б. Кобрин	Истребление боярской крамолы, учреждение высшей полиции.
Н.М. Карамзин	Высшая степень безумства, состояние душевной болезни.
А.Н. Сахаров, В.И. Буганов	Укрепление режима личной власти, подавление всякой оппозиции.

VIII. Подведение итогов урока. Результат обсуждения темы. (4 мин.)

Учитель. В целом, все мнения историков можно свести к следующим утверждениям**:**

1) опричнина была обусловлена личными качествами царя Ивана и не имела никакого политического смысла (В.О. Ключевский);

2) опричнина являлась хорошо продуманным политическим шагом Ивана Грозного и была направлена против тех социальных сил, которые

противостояли его «самовластию». Последняя точка зрения, в свою очередь, также «раздваивается». Одни исследователи полагают, что целью опричнины было сокрушение боярско-княжеского экономического и политического могущества (С.М. Соловьев, Р.Г. Скрынников).
3) опричнина была направлена на ликвидацию остатков удельно-княжеской старины (Старицкий князь Владимир Андреевич) считает В.Б. Кобрин, а также направлялась против сепаратистских устремлений Новгорода и сопротивления церкви как мощной, противостоящей государству организации. В целом это не была антибоярская политика. Скорее, это был конфликт внутри всего господствующего сословия, спровоцированный Иваном IV с целью укрепления своей власти (разделив сословие на две части и натравив их друг на друга). Этот путь централизации был противоположен тому последовательному и плодотворному пути реформ, по которому шла Избранная Рада. Опричнину можно рассматривать как форсированную централизацию, предпринятую без достаточных экономических и социальных предпосылок, а потому вылившуюся в массовый террор.

IX. Работа с учебником. (5 мин.)
Задание. Записать в тетрадях итоги опричнины.
Ответ: 1. Разрушена сословная монархия – из 43 членов Боярской думы 19 казнено.
2. Разрушена экономика страны – разорено 40% крестьянских дворов.
3. Огромные жертвы – 22 тысячи человек казнено.

Домашнее задание:
1. Сравнить способы установления централизованного государства в эпоху Ивана III и Ивана IV.
2. Результаты сравнения перенести в таблицу.

Приложение 1.

Точка зрения Д.И. Иловайского

В то время, как Россия вела извне долгую и трудную Ливонскую войну, внутри ее господствовала мрачная эпоха опал и казней. Согласие между царем и его ближайшими советниками, то есть Сильвестром и Адашевым, продолжалось недолго: пылкий, властолюбивый Иоанн скоро начал тяготиться влиянием своих советников. Начало этого нерасположения относится к 1553 году. Вскоре после Казанского похода царь впал в тяжкую болезнь, написал духовную, назначил наследником своего сына, младенца Дмитрия, и требовал, чтобы бояре ему присягнули. Тогда во дворце произошли шум и брань: одни дали присягу, другие отказались на том основании, что Дмитрий еще мал и вместо него будут управлять Захарьины, кто-то предложил на царство двоюродного брата Владимира. После настойчивых убеждений Иоанн вернулся, на первое время знаков неудовольствия он не показывал, однако не мог забыть этого случая и с тех пор смотрел на окружавших подозрительно. Вскоре Адашев и Сильвестр были удалены от дворца: один сослан в Ливонию, где вскоре и умер, другой сослан в Соловецкий монастырь; их родственники и друзья подверглись опалам и казням. Не стесняемый более присутствием строгих советников и любимой супруги, Иоанн начал находить развлечение в шумных пирах, порочных забавах и давать полную волю своему крутому, необузданному характеру. С особой жестокостью стал он преследовать боярское сословие, потому что бояре продолжали отстаивать свои прежние права, которые могло ограничить его самодержавие. После побега Курбского в Литву в Иоанне еще больше развилась подозрительность: его воображению представлялись тайные козни изменников и предателей.

Своими жестокими мерами Иоанн IV уничтожил всякое сопротивление своей власти и сделал ее вполне неограниченной, он по справедливости заслужил в истории славу тирана.

Приложение 2.

Точка зрения С.М. Соловьева.

Борьба с родовыми стремлениями и была причиною тех печальных явлений, которые имели место в царствование Иоанна IV. Во время этой борьбы Иоанн IV задал вопрос одному из самых ревностных приверженцев старины, князю Курбскому: «Что лучше – настоящий порядок вещей, когда государство успокоилось, пришедши в упадок при едином государе, или прежнее время, когда усобицы терзали землю?» На этот вопрос отвечал не Курбский; на него отвечала вся Русская земля, все Московское государство. Борьба, принявшая напоследок кровавый характер, кончилась, как следовало ожидать, не к выгоде московской знати, которая

должна была забыть старые предания вольной дружины; князья стали называться холопами великого государя, писаться уничижительными полуименами. Но, несмотря на тяжелые обстоятельства, на опалы, члены этой знати удерживают свое первенствующее значение, высшие места в управлении. Иоанн Грозный в своей ожесточенной вражде к ним не отнимает у них этого значения, этих мест, не дает их значения, их мест новым людям низкого происхождения. Грозный, подозревая и ненавидя своих бояр, оставляет их в прежнем значении, даже рискует усилить, поставляя их в число земского управления; он не прогоняет бояр, но сам вскоре убегает от них, окруженный новою, преданною дружиною, – опричниками. При первом царе, Иоанне IV, значение горожан, и особенно московских, поднимается. Видя в знати людей со старинными дружинными притязаниями, заподозрив их в сильном нерасположении к себе, к своему семейству, Грозный по известному закону начал искать другой силы, на которую мог бы опереться. Он торжественно с Лобного места объявил народу о беспорядках боярского правления во время своего малолетства; уезжая из Москвы, выставляя измену бояр, он объявил, что ничего не имеет против горожан московских; наконец, призвал последних на собор. По всей России Грозный хочет дать самоуправление мирам городским и сельским, вывести наместников и волостелей и заменить их выборными, излюбленными старостами, судьями. Доказательством неразвитости миров послужило то, что мера Грозного не принялась, многие миры не приняли от правительства дара самоуправления. То есть прогрессивная деятельность царя по отношению к подданным своим прослеживается в его деяниях.

Приложение 3.

Точка зрения С.Ф. Платонова.

Цель, которую поставил себе Иван Грозный, устраивая опричнину, была достигнута. Княжеская аристократия была разгромлена и уничтожена; старые удельные вотчины княжат перешли к государю и были обменены на другие земли. Но опричнина, несомненно, повела к разорению государства, потому что разрушила хозяйственный порядок в центральных московских областях, где сосредоточены были княжата с их удельными вотчинами. Когда Грозный выселял крупных вотчинников с их старых земель, оттуда уходили с ними их холопы, а затем стали уходить и крестьяне, которым невыгодно было оставаться за новыми владельцами, мелкими помещиками, не имевшими никаких земельных льгот. Крестьянам была еще и та выгода уйти со старых мест, что они могли поселиться на новых хороших землях или в завоеванном Казанском царстве, куда само правительство звало поселенцев, или же в плодородной черноземной полосе на юг от Оки, где тогда возникало много новых городов. Народ охотно шел на окраины государства, где не было ужасов опричнины, а от этого центральные области все пустели и пустели. К

концу царствования Грозного они запустели до такой степени, что с них царь не получал уже ни ратных людей, ни податей. У Грозного поэтому не стало войска и средств, что и заставило его бесславно окончить шедшие тогда войны с Литвой и шведами.

Суть опричнины состояла в том, что Грозный применил к территории старых удельных княжеств, где находились вотчины служилых князей-бояр, тот порядок, какой обыкновенно применялся Москвой в завоеванных землях.

Приложение 4.

Точка зрения В.Б. Кобрина:

«… что опричнина имела резко выраженную антикняжескую направленность. Опалы, казни и конфискации, обрушившиеся на суздальскую знать в первые месяцы опричнины, ослабили политическое влияние аристократии и способствовали укреплению самодержавной монархии. Объективно подобные меры способствовали преодолению остатков феодальной раздробленности, глубочайшей основой которых было крупнейшее княжеско-боярское землевладение. Однако опричная политика не была чем-то единым на протяжении семи лет ее существования, она не была подчинена ни субъективно, ни объективно единой цели, принципу или схеме. Следом за короткой полосой компромисса в 1566 г. пришло время массового террора 1567 – 1570гг. Стержнем политической истории Опричнины стал чудовищный процесс над сторонниками двоюродного брата царя князя Владимира Андреевича, завершившийся разгромом Новгорода. Причиной террора явился не столько пресловутый новгородский сепаратизм, сколько стремление правителей, утративших поддержку правящих группировок господствующего класса, любой ценой удержать власть в своих руках. В обстановке массового террора, всеобщего страха и доносов аппарат насилия, созданный в опричнине, приобрел совершенно непомерное влияние на политическую структуру руководства…»

Приложение 5.

Точка зрения Н.М. Карамзина.

Гнев тирана, падая на целые семейства, губил не только детей с отцами, супруг с супругами, но часто и всех родственников мнимого преступника. Беспримерными ужасами тиранства, испытав неизменную верность народа, не видя ни тени сопротивления, ни тени опасности для мучительства, истребив гордых, самовластных друзей, предав их знатность и богатство сановникам новым, безмолвным, ему угодным, Иоанн к внезапной радости подданных, вдруг уничтожил ненавистную опричнину, которая, служа рукою для губителя, семь лет терзала внутренность государства.

Одним словом, Иоанн достиг, наконец, высшей степени безумного своего тиранства, мог еще губить, но уже не мог изумлять россиян никоими новыми изобретениями лютости.

Приложение 6.

Точка зрения А.Н. Сахарова, В.И. Буганова – авторов учебника.

Правление Ивана Грозного вызывало и вызывает самые противоречивые оценки современников и потомков. Одни видят в его деяниях большой государственный смысл: стремление к централизации, укреплению государства, устранению препятствий на этом пути *(борьба с боярами и т.д.)*. Другие резко отрицательно судят личность и деяния Грозного, акцентируют внимание на казнях, опричнине, разорении страны. Очевидно, следует учитывать и положительные стороны его правления *(укрепление государства, усиление безопасности его границ)*, и отрицательные *(ухудшение положения народа, террор)*.

Своей опричниной с ее кровавыми оргиями царь, несомненно, достиг укрепления режима личной, неограниченной власти. Она стала своего рода восточной тиранией, деспотией. С помощью опричнины Грозный подавил всякую оппозицию, ликвидировал очаги удельного сепаратизма, остатки, и без того невеликие, самостоятельности и независимости в словах и действиях подданных.